

СТРАЖ НЕНАВИСТИ

Денис Пожидаев

КОТЛОВИНА — ЗАПАДНЫЙ ПОЯС

ОПОРНАЯ СТЕНА № 42/7

ПРОВЕРЕНО 15.04.15

СЛЕД. ПРОВЕРКА 15.04.16

ОТВ. ИНЖ. *Данил*

Денис Пожидаев

Страж Ненависти

«Автор»

2026

Пожидаев Д.

Страж Ненависти / Д. Пожидаев — «Автор», 2026

Котловина держится на лестницах, подпорных стенах и простом правиле: увидел опасность — сообщи. Клим верит, что этого достаточно. Но после происшествия в закрытом техническом проходе город находит удобного виноватого. Пока трещины в бетоне наполняются водой, а страх — ненавистью, Климу предстоит понять: безопасность начинается не с громкого имени, а с правды, которую никто не хочет слышать.

© Пожидаев Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I «ТРЕЩИНА»	5
Глава 1. Сухая лестница	5
Глава 2. Старый ключ	12
Глава 3. Камера	18
Глава 4. Прут	23
Глава 5. Что ты видел	29
Глава 6. Неважно	35
Глава 7. Предупреждение	41
Глава 8. Тот, кто запирает детей	47
Часть II «ПЕЧАТЬ»	53
Глава 9. Временно	53
Глава 10. Расшиватель	59
Глава 11. История без тебя	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Денис Пожидаев

Страж Ненависти

Часть I «ТРЕЩИНА»

Глава 1. Сухая лестница

— По сухой, — сказал Клим.

Ася остановилась. Капюшон её жёлтой куртки всё ещё был натянут по самые брови, хотя ночной дождь закончился часа три назад, оставив после себя только тяжёлое, серое небо. Воздух на Средних уступах стоял холодный и плотный. Из окна кухни казалось, что на улице обычное весеннее утро, но здесь, на ветру, в лицо сразу ударило промозглой сыростью. Пахло мокрым шифером, намокшим песком и выхлопными газами — во дворах уже прогревали машины.

Где-то выше, на невидимых отсюда ярусах, хлопнула тяжёлая подъездная дверь. Звук прокатился по бетонному колодцу Котловины и стих внизу, у рынка.

— Мы опоздаем, — Ася дёрнула лямку рюкзака, недовольно глядя на брата. — По нижней в два раза быстрее.

— На нижней перила ходят.

— Они всегда ходят.

— Сегодня сильнее.

Клим не читал ей лекций про безопасность. Он не пытался звучать как взрослый. Он просто стоял на краю асфальтированной площадки и смотрел вниз, на короткий бетонный пролёт, соединяющий их двор со школьным маршрутом.

Нижняя лестница была крутой и неудобной. Вода здесь скапливалась на неровных ступенях, делая старую каменную крошку скользкой, как мыло. С жестяных козырьков над подвалами всё ещё тяжело падали капли, разбиваясь о ржавую решётку ливнёвки.

Клим смотрел на левую металлическую опору перил. Она была вмурована в край подпорной стены. Ещё вчера труба стояла прямо, но за ночь, после затяжного ливня, её основание заметно накренилось наружу. Между ржавым металлом и бетоном образовалась тёмная щель, из которой вымыло весь мелкий мусор. Казалось, опора держится только за счёт соседних пролётов.

— Пошли, — Клим взял сестру за край рукава и потянул вправо, к обходному пути.

Сухая лестница была шире, с новыми перилами, но делала большой крюк мимо гаражей. Ася надулась, шумно выдохнула облачко пара и неохотно сделала шаг за братом.

Они успели пройти по мокрому асфальту метров десять, когда сзади раздался быстрый, шаркающий топот.

Клим обернулся. Из соседнего двора выскочил мальчик лет десяти. Он был в расстёгнутой куртке, а на спине у него болтался огромный, явно перегруженный рюкзак, который тянул его назад. Мальчик явно проспал и теперь пытался нагнать время. Не сбавляя скорости, он выбежал на влажную площадку перед нижней лестницей.

Он собирался сделать то, что дети Котловины делали постоянно: схватиться рукой за перило, перенести вес и проскочить мокрый пролёт, перепрыгивая через ступеньку. Мальчик вытянул руку к той самой покосившейся опоре и уже занёс ногу над краем.

— Эй! Стой! — резко крикнул Клим.

Голос ударился о бетонную стену и разлетелся по двору.

Мальчик вздрогнул. Тяжёлый рюкзак мотнуло в сторону, он инстинктивно отдернул руку от перил и замер, не успев поставить ногу на ступень.

В ту же секунду толстый кусок старой бетонной облицовки, на который он только что собирался наступить, с влажным, глухим хрустом отделился от основания. Ступень поехала вниз. Бетон сорвался с края, ударился о нижний пролёт, раскололся пополам и с тяжёлым плеском улетел в дренажную канаву.

Опора перил, лишившись поддержки, со скрипом провернулась в гнезде и просела ещё на два сантиметра.

Мальчик медленно опустил ногу обратно на асфальт площадки. Он был очень бледным. Перевёл взгляд с зияющей дыры в ступенях на Клима.

Клим не стал подходить, не стал ругаться или спрашивать, куда тот смотрел.

— Обойди, — так же ровно сказал он.

Мальчик судорожно кивнул, перехватил лямки рюкзака и, стараясь не смотреть вниз, быстро пошёл в сторону сухой лестницы, держась ближе к стене дома.

Ася стояла рядом с братом. Капюшон слегка съехал, обнажив растрёпанные волосы. Она долго смотрела на пустое место, где только что была ступенька, потом шмыгнула носом.

— Ладно. По сухой.

Клим ничего не ответил. Он поправил свою куртку и пошёл вперёд.

Внутри него привычно, как хорошо смазанный замок, щёлкнуло знакомое чувство. Он заметил. Он не прошёл мимо и не промолчал. Если бы он поленился крикнуть, или засомневался, или решил, что это не его дело, — чужой ребёнок лежал бы сейчас внизу с разбитым лицом или сломанной ногой.

Мир был опасным, но понятным. Опасность всегда можно остановить, если смотреть внимательно и не отворачиваться.

Они спустились по широкой сухой лестнице и оказались на бетонной площадке, соединяющей их двор с основным школьным маршрутом. Котловина отсюда просматривалась как на ладони.

Внизу, под слоем сизого утреннего тумана, уже шумел рынок. Доносился глухой стук деревянных ящиков, крики грузчиков, хлопанье дверей старых фургонов. Оттуда тянуло запахом свежего хлеба, сырой картошки и влажного железа. Выше, над головами, на Верху, горели ровные квадраты окон поликлиники и администрации. По автобусной площади тяжело разворачивался жёлтый ЛиАЗ, оставляя на мокром асфальте чёрные следы шин.

Город был слоистым, плотным, стянутым лестницами и подпорными стенами. И сейчас он казался вымытым и почти красивым, несмотря на холодное утро.

Клим остановился у площадки. Отсюда хорошо был виден разрушенный край нижней лестницы.

Он снял рюкзак на одно плечо, достал телефон и смахнул капли с экрана. Открыл камеру, навёл её на просевшую опору и отсутствующую ступень. Фокус не сразу поймал серый бетон на фоне серого неба. Клим чуть опустил телефон, сделал кадр, затем приблизил саму трещину у основания перил и сфотографировал её отдельно.

— Ты опять отправляешь? — Ася переступила с ноги на ногу. Ветер на открытой площадке продувал её куртку насквозь. — Пошли уже, ну правда. У меня первым математика.

— Секунду.

Клим открыл школьный аварийный чат. Туда Светлана Игоревна, их классная руководительница, просила сбрасывать всё, что касается опасных участков на маршрутах. Он не писал длинных объяснений. Просто прикрепил две фотографии и добавил подпись: *«Нижняя у 12-го дома. Ступень сорвалась, перило отошло»*. Нажал «отправить».

Клим делал это не потому, что играл в спасателя. Для него это была обычная городская гигиена. Как выбросить мусор в урну. В Котловине все знали: если видишь поломку — скажи.

Пока крутился значок отправки сообщения, Клим посмотрел на подпорную стену.

Прямо над просевшим перилом, на уровне его глаз, на сером бетоне выделялся красный прямоугольник. Краска была старой, выцветшей, но белые трафаретные буквы читались чётко: «ОСМОТР».

УЧАСТОК 14.

ДАТА: ...»

Цифры даты давно стёрлись. Такие отметки остались во многих местах города после большого Обвала. Они обозначали точки, за которыми аварийные службы должны были следить особенно внимательно.

Клим присмотрелся. От верхнего правого угла красного квадрата вверх по стене ползла тонкая волосяная трещина.

Она не выглядела страшно. Обычный след времени на старом бетоне. Но Клим помнил, что на прошлой неделе перед Днём Трещины муниципальщики проходили здесь с вёдрами и кистями. Они замазывали мелкие дефекты густым серым раствором.

— Её же закрасили, — сказала Ася, проследив за его взглядом. Она подошла ближе и ткнула пальцем в воздух. — Я видела, в четверг мужик здесь мазал.

Трещина действительно была покрыта слоем свежей краски. Но теперь эта краска лопнула ровно по старому шву.

Клим убрал телефон в карман. Он не стал делать выводов о грунтовых водах или давлении. Это было дело инженеров.

— Закрасили стену, — сказал он, поправляя лямку рюкзака. — Не трещину.

Он сказал это с раздражением, потому что холодный ветер пробирался под воротник, а Ася снова начинала ныть. Фраза прозвучала бытово, просто как констатация факта. Клим ещё не знал, что однажды эта же мысль станет для него самым важным правилом.

Из узкого технического прохода, уходившего вправо, между домами Средних уступов и старой складской зоной, вдруг раздался резкий, лязгающий удар. Будто кто-то с силой обрушил молоток на ржавое железо.

Клим машинально повернул голову на звук.

Технический проход ответвлялся от основного лестничного маршрута вправо, зажатый между глухой стеной пятиэтажки и началом старой складской зоны. Обычно он был перекрыт решётчатой калиткой с тяжёлым висячим замком. Детям туда заходить запрещалось: за решёткой начинались спуски к дренажным каналам и вентиляционным шахтам Низа.

Но сейчас калитка была приоткрыта.

На мокром асфальте, прямо в луже, сидел на корточках мужчина. Он не выглядел загадочным наблюдателем или хранителем тайн. На нём была потёртая рабочая куртка со следами высохшей извести на рукавах. Одной рукой он придерживал перекошенную металлическую створку, а другой с силой вгонял стальной клин в разбитую петлю, глухо ударяя по нему небольшим молотком.

Рядом лежала раскрытая брезентовая сумка, из которой торчали ручки разводных ключей и отвёрток.

Клим знал его в лицо. Это был Глеб Нестеров. Он не работал в муниципальной бригаде, не носил оранжевый жилет и ни перед кем не отчитывался. Но в Котловине все знали: если официальные службы обещают приехать только к концу недели, а вода уже заливает щитовую, зовут Глеба.

По сухой лестнице сверху спускалась пожилая соседка из Климова подъезда. Она опиралась на толстую деревянную трость и несла пустую тканевую сумку для рынка. Поравнявшись с проходом, она остановилась.

— Спасибо за насос, Глеб, — сказала она скрипучим, простуженным голосом. — Всю ночь тихо было. Подвал сухой, вода ушла.

Глеб перестал бить молотком. Он вытер тыльной стороной ладони лоб, оставив на коже грязную полосу, и коротко кивнул.

— Не за что. Главное, вентиль сами не крутите больше. Там резьба сорвана.

Соседка пошла дальше. А следом за ней, тяжело и быстро ступая по бетону, спускался мужчина в хорошем тёмно-синем пальто. Клим видел его пару раз — кто-то с Верха, кто иногда парковал машину в их дворе, чтобы сократить путь до администрации.

Мужчина бросил взгляд на снятую с замка калитку, на сумку с инструментами и, не сбавляя шага, бросил через плечо:

— Ты бы лучше не лез опять, куда не просят. Калитка на балансе у города стоит. Тебя сюда никто не вызывал.

Он ушёл вниз, и звук его шагов быстро растворился в шуме рынка.

Глеб ничего не ответил. Он просто опустил молоток на брезентовую сумку.

Клим стоял в нескольких метрах и смотрел, как взрослый мужчина молча проглатывает прямое оскорбление. В этом молчании не было киношного достоинства. Это была тяжёлая, глухая привычка. Никто из прохожих не обернулся, не возмутился. Все сделали вид, что ничего не прозвучало.

Глеб тяжело поднялся с корточек. Он не стал смотреть вслед человеку в пальто. Вместо этого он подошёл к бетонной подпорной стене рядом с калиткой. Там серый камень заметно потемнел от влаги. Глеб медленно провёл голым пальцем по шву между плитами, а затем растёр грязную, рыжую воду между подушечками. Он долго смотрел на свои пальцы, ни к кому не обращаясь и ничего не объясняя.

Клим крепче взял Асю за руку.

— Пошли, — тихо сказал он. — Урок скоро.

Они прошли мимо прохода, стараясь не смотреть в сторону калитки и человека с грязными руками.

Климу не нравился Глеб. Не потому, что тот был злым или пугающим. А потому, что рядом с ним правильный, понятный порядок вещей всегда казался каким-то ненадёжным. Клим любил, когда мир был ясным: сломалось — сообщил — приехала служба — починили. Глеб же вечно ковырялся в чужих поломках так, будто они были не технической проблемой, а чьей-то личной виной. Он всё усложнял.

Когда они спустились на следующий ярус и оказались в безопасности школьного маршрута, Ася дёрнула Клима за рукав.

— Он страшный? — шёпотом спросила она.

— Нет, — Клим поправил лямку рюкзака. — Просто лезет куда не надо.

Это была простая, очень удобная мысль. И Клим ещё не знал, что эта маленькая уверенность — его первая большая ошибка.

В школьном коридоре второго этажа пахло хлоркой, мокрыми куртками и сладким чаем из столовой. Гудел обычный утренний шум: кто-то торопливо списывал геометрию на подоконнике, кто-то сушил кеды у горячей батареи, две девочки из параллельного громко спорили у окна.

Лада стояла у двери кабинета литературы, прислонившись спиной к выкрашенной зелёной краской стене. Она поправила волосы, перехватила рюкзак поудобнее и смерила подошедшего Клима внимательным взглядом.

— Сколько сегодня? — спросила она вместо приветствия.

— Чего? — Клим остановился рядом и сбросил свой рюкзак на пол.

— Спасённых объектов.

— Один.

— Слабовато, — Лада усмехнулась, но без злости. Просто как человек, который знает его слишком давно. — До большой перемены ещё успеешь. Я видела, в туалете на первом этаже кран капает. Спасай.

Клим раздражённо дёрнул плечом, но всё равно улыбнулся. Ему было легко с Ладой. Они жили в соседних дворах, и она прекрасно помнила времена, когда Клим не был никаким «надёжным мальчиком», а сам лазил по закрытым крышам гаражей и падал в строительные ямы. Перед ней не нужно было держать лицо.

— Я просто фото в чат скинул, — сказал он. — Там на нижней ступенька поехала.

— Клим, спасибо за фото.

Клим обернулся. Светлана Игоревна, их классная руководительница, быстро шла по коридору с пачкой классных журналов в руках. Ей было чуть за тридцать, она всегда говорила быстро, не любила долгих вступлений и помнила по именам половину учеников в параллели.

— Я передала в диспетчерскую, — она остановилась возле них, перехватывая съезжающий верхний журнал. — Обещали до обеда поставить ленту и закрыть проход. Хорошо, что заметил. Утром там всегда малыши бегают.

Она коротко кивнула им и зашла в класс.

Клим посмотрел на Ладу. Та закатила глаза, но тоже улыбнулась.

— Герой Средних уступов. Ладно, пошли, сейчас звонок будет.

Клим наклонился, чтобы поднять рюкзак.

На доске объявлений рядом с дверью кабинета висел свежий распечатанный плакат: «Внимание! Пятница — День Трещины. Маршруты распределяются по классам. Просьба принести согласия от родителей».

Этот день в Котловине был городской традицией. Каждую весну, когда сходила основная вода, школьники вместе с учителями проходили по своим ярусам: собирали мусор, проверяли лестницы, фотографировали новые повреждения на бетоне. Взрослые в этот день рассказывали про старый Обвал, напоминая, почему город должен постоянно следить за собой. Клим привык к этому дню, как к субботнику.

— У тебя кроссовки в глине, — сказала Лада, кивнув на его ноги. — Ты всё-таки по нижней пошёл?

— Нет. По сухой, — Клим посмотрел на свою обувь.

На правом кроссовке действительно остался рыжий, липкий след. Клим нахмурился. Сухая лестница потому так и называлась, что вода на ней не задерживалась, и никакой глины там быть не могло. Видимо, он вляпался где-то на площадке, пока фотографировал трещину и стоял рядом со стеной.

Лада отвернулась от него и посмотрела в окно. Отсюда, с Верха, был виден почти весь спуск до самого рынка, укрытого туманом.

— Странно, — сказала она, глядя на серые крыши. — Дождь же ночью был. На сухой должно было всё смыть. А глина свежая.

— Ну мало ли откуда натекло, — Клим пожал плечами, вытирая подошву о жёсткий коврик у двери.

— Вниз всё равно вода идёт, — тихо произнесла Лада, не отрывая взгляда от окна.

Клим не понял, к чему она это сказала. Фраза прозвучала бессмысленно, но спрашивать он не стал — над ухом резко и громко ударил школьный звонок.

Он поднял рюкзак и зашёл в класс. День покатился по привычным, надёжным рельсам. Контрольная, шумная очередь в столовой, разговоры про предстоящие выходные. Клим любил такие дни. В них была ясная, простая предсказуемость. Если ты выучил — получишь оценку. Если ты не нарушаешь правила — к тебе нет вопросов. Если ты увидел поломку и сказал о ней — ты поступил правильно.

Мир работал как часы, если заводить их вовремя.

После уроков свет над Котловиной изменился. Тяжёлые утренние тучи растянуло ветром, и теперь холодное весеннее солнце било косыми лучами в окна Средних уступов, подсвечивая в воздухе мелкую бетонную пыль. Ветер почти стих.

Клим возвращался домой один. Лада ушла на дополнительные занятия по английскому, а Асю ещё в обед забрал отец, у которого закончилась первая смена на автобусном маршруте.

Он спускался по сухой лестнице. Город звучал привычно, по-дневному: внизу, на рынке, с глухим стуком разгружали деревянные ящики, где-то за гаражами надрывно гудела болгарка, а в открытом окне на втором этаже хрущёвки кто-то ругался из-за невымытой посуды.

Клим дошёл до площадки между ярусами и остановился.

Нижнюю лестницу действительно перекрыли. Муниципальщики сработали быстро — поперёк пролёта, от стены до перил, была туго натянута полосатая красно-белая лента.

Он посмотрел на подпорную стену. Красная отметка «ОСМОТР. УЧАСТОК 14» была на месте. Но трещина над ней стала другой.

Утром это была просто тонкая волосяная линия, слегка разошедшаяся по краске. Теперь от неё к нижней ступени тянулась тёмная, влажная полоса. Вода не текла ручьём. Она проступала сквозь бетон, медленно, тяжело, оставляя на серой поверхности рыжий глинистый след — точно такой же, какой Лада заметила на его кроссовке.

Клим присел на корточки. Он не стал трогать воду пальцем.

Дождя не было уже часов десять. Стена вокруг трещины оставалась абсолютно сухой, нагретой дневным солнцем. Вода не стекала сверху. Она шла изнутри. Из-под грунта, который держала эта многотонная бетонная плита.

Он снова достал телефон. Снял блокировку. Экран бликовал на солнце, и Клим попытался закрыть его ладонью, чтобы написать ещё одно короткое сообщение в диспетчерскую службу. Просто сухой факт: «Вода идёт из шва».

Тяжёлый металлический скрип разорвал тишину площадки.

Клим поднял голову.

Звук донёсся снизу. Там, где начинался закрытый технический проход под Средними уступами. Старая, тяжёлая железная дверь, которую Клим всегда видел запёртой на массивный ржавый замок, медленно приоткрылась наружу.

Из сырой темноты прохода на свет вышел Сева Мартынов.

Сева учился на класс старше. Клим знал его так, как знают людей в небольших городах, где все живут друг у друга на виду: не дружил, не общался, но здоровался при встрече. Про Севу говорили, что у него сложные отношения с учителями, золотые руки и дурная привычка решать споры кулаками. Сейчас он был в своей обычной тёмной куртке.

Сева не заметил Клим, сидящего на корточках за высоким выступом сухих перил.

Он аккуратно потянул тяжёлую створку на себя. Замок, который Клим считал намертво заржавевшим, сухо щёлкнул. Сева достал из скважины длинный, потемневший от времени металлический ключ.

Обтерев его о штанину, Сева быстро сунул ключ во внутренний карман куртки. Потом огляделся — резко, исподлобья, проверив лестницу сверху и снизу. Убедившись, что никого нет, он засунул руки в карманы и быстро пошёл вниз, в сторону рынка.

Клим остался на месте.

Он смотрел на закрытую дверь технического прохода. Детям и подросткам строго запрещалось спускаться в старые дренажные галереи и сервисные ниши Низа. Об этом говорили на каждом Дне Трещины, об этом висели предупреждающие таблички. Там были старые насосы, провалы в бетонном полу, стоячая вода и темнота.

Сева только что вышел оттуда. И у него был ключ.

Клим медленно поднялся. Телефон в руке коротко завибрировал — пришло официальное подтверждение из школьного чата, что заявка по нижней лестнице обработана.

Он убрал телефон. Сообщать о воде он не стал. Он не побежал никому рассказывать о Севе. Он не сделал вывода, что тот готовит преступление, ломает трубы или устраивает диверсию. Клим был точным свидетелем и не выдумывал того, чего не видел.

Он видел только факт: Сева ходит туда, где опасно и куда ходить нельзя.

И пока Клим поднимался по последнему пролёту к своему двору, внутри него спокойно и твёрдо оформилась мысль. Не обвинение. Не злость. Просто правило, которое город вложил в него с самого детства:

За ним надо присматривать.

Клим толкнул дверь своего подъезда и вошёл в полутёмный холл. Он ещё не знал, что эта короткая, правильная, ответственная мысль станет самым первым шагом к катастрофе, которую он сам же и создаст.

Глава 2. Старый ключ

Даня рисовал Котловину так, будто взрослые нарочно спрятали от него половину города.

Шум большой перемены докатывался сюда, в тупик второго этажа, только глухим, далёким гулом. Здесь пахло мелом и тёплой масляной краской от нагретой батареи. Клим сидел на широком подоконнике и листал ленту в телефоне — ответа из диспетчерской по утренней лестнице пока не было.

Рядом Лада пила яблочный сок через трубочку, с интересом глядя, как одиннадцатилетний Даня Рудин расстилает перед ними смятый, склеенный скотчем двойной тетрадный лист.

Это была не официальная схема Котловины, какие висели на стендах у автобусной площади. Это была личная карта. Улицы на ней изгибались не по правилам, а так, как шли на самом деле. Вместо номеров домов и названий остановок стояли кривые, выведенные карандашом подписи:

«Сухая лестница».

«Собака за гаражами».

«Где пахнет булками» — стрелка указывала на крыши рынка.

«Место, где под стеной мокро даже летом».

— Ты опять план побега рисуешь? — Лада ткнула уголком пустой пачки сока в бумагу.

— Это не план побега, — Даня нахмурился и придавил скручивающийся край листа локтем. — Это нормальная карта. Просто у взрослых они скучные. У них везде линии ровные, а город не ровный.

Даня учился в пятом классе, и он совсем не был похож на маленького искателя приключений. Он был упрямым, въедливым и терпеть не мог, когда с ним говорили как с несмышлёным. Если взрослые вешали на калитку табличку «Проход запрещён», Дане нужно было знать причину. Его бесил ответ: «Потому что нельзя». Ему казалось, что взрослые называют опасным всё, что им лень объяснять.

На карте было много заштрихованных зон с припиской: «Нельзя ходить, потому что взрослые ничего не объясняют».

Клим заблокировал экран телефона и снисходительно посмотрел на разложенный лист.

— Если там закрыто, значит, туда не надо, — сказал он.

Он произнёс это без издёвки. Просто как факт, который не требует доказательств. Мир Котловины держался на том, что опасные места отмечают и закрывают.

Даня поднял на него глаза. На кончике его носа была серая черта от простого карандаша.

— А если закрыто, потому что никто не хочет чинить?

— Тогда надо сказать взрослым, — привычно ответил Клим.

— А если взрослые сами не знают?

Клим открыл было рот, чтобы сказать, что аварийные службы знают всё, но слова почему-то застряли в горле. Он вспомнил утро. Перекошенную калитку, которую никто не просил чинить, и Глеба, который вгонял стальной клин в петлю под недовольный голос человека с Верха.

Это была крошечная, почти незаметная трещина в его уверенности. Клим промолчал.

Не дождавшись ответа, Даня ткнул испачканным в графите пальцем в нижний правый угол листа. Там был нарисован жирный крестик и стояла подпись: «Решётка к Низу».

— Вот тут, — сказал Даня. — Там вчера кто-то был. Ключом открыл.

Клим сразу вспомнил вчерашний вечер. Тяжёлый металлический скрип, разорвавший тишину. Тёмную куртку, быстрый взгляд исподлобья и длинный, потемневший от времени ключ, который мгновенно исчез во внутреннем кармане.

Сева Мартынов.

После уроков они шли вдоль длинного ряда кирпичных гаражей, отделявших Средние уступы от крутого спуска в Низ. Асфальт здесь был неровным, разбитым корнями старых тополей и постоянными ручьями. Лада вызвалась пройти с Климом часть пути до перекрёстка. Даня увязался за ними сам: ему нужно было проверить, правильно ли он отметил на своей карте «проход, где всегда пахнет бензином».

Они почти дошли до конца гаражного ряда, когда услышали металлический лязг и обиженное сопение.

Мальчишка лет восьми, красный от натуги, пытался прокрутить педали велосипеда. Цепь слетела, намертво заклинив между задней звёздочкой и рамой. Мальчишка дёргал её грязными пальцами, пачкая куртку в чёрной смазке, но цепь не поддавалась.

Клим уже хотел подойти, когда из-за угла соседнего гаража вышел Сева.

Сева не стал спрашивать, что случилось, не стал улыбаться или успокаивать. Он просто подошёл, молча отодвинул мелкого в сторону, присел на корточки и взялся за цепь. Одно точное, сильное движение — металл скрипнул, щёлкнул, и цепь легла на зубья. Сева крутнул педаль рукой, проверяя ход. Колесо закрутилось с ровным, тихим треском.

— Спасибо, — шмыгнул носом мальчишка.

Сева вытер испачканные пальцы о кусок какой-то ветоши, торчавшей из кармана.

— Не ездь по лужам у крайних гаражей, — бросил он, даже не глядя на ребёнка. — Там гвозди в воде. Шину пропорешь, никто тебе её здесь клеить не будет.

Сева развернулся, чтобы уйти, и машинально сунул ветошь обратно в карман. В этот момент из кармана выпала и звякнула об асфальт связка ключей.

Один ключ на кольце сильно отличался от обычных квартирных. Длинный, с толстым стержнем и сложной старой бородкой, потемневший от времени и влаги.

Даня, стоявший в двух шагах, замер. Его взгляд прикипел к связке. Он узнал этот ключ.

— Это ты вчера там был? — спросил Даня.

Он сказал это не дерзко. Не как угрозу или попытку взять на понт. В его голосе звучало только прямое, упрямое любопытство человека, который нашёл недостающую деталь для своей карты.

Сева наклонился, поднял ключи и медленно выпрямился. Он не ответил. Лицо его вдруг стало непроницаемым, как бетонная стена.

— Туда нельзя, — продолжил Даня, делая шаг вперёд. — Там же лента была.

— Лента не для тебя, — глухо сказал Сева.

— Я взрослым скажу.

Для Дани это было естественным продолжением городского правила. Увидел закрытый проход, увидел того, кто туда лезет — скажи.

Но для Севы эти слова прозвучали иначе. В них он, видимо, услышал то, что ненавидел больше всего: попытку загнать его в угол, сделать его виноватым, лишить контроля.

Сева резко изменился. Он не стал хватать Даню за грудки, не закричал. Он сделал один короткий шаг к нему и наклонился.

— Ничего ты не видел, — сказал Сева.

Его голос был слишком тихим. В этой тишине было больше угрозы, чем в любом крике. Даня отшатнулся, инстинктивно втянув голову в плечи.

Клим шагнул между ними.

— Отстань от него, — твёрдо сказал он.

Он не повышал голоса. Просто встал так, чтобы закрыть Даню собой. Клим был младше и ниже Севы, но за ним стояла невидимая, плотная уверенность человека, который знает, что поступает правильно.

Сева посмотрел на Клима. В его глазах мелькнула глухая, колючая злость. Потом он перевёл взгляд на Даню, выглядывающего из-за плеча Клима.

Сева ничего не ответил. Он сунул ключи глубоко во внутренний карман куртки, круто развернулся и быстро пошёл вниз, к спуску в Низ.

Клим смотрел ему вслед. Внутри него уже крутились шестерёнки. Сева не просто отмахнулся. Сева испугался, что о нём расскажут. Сева нервничает. А если человек так реагирует на простой вопрос, значит, у него есть причина бояться.

Клим пока не задавал следующий вопрос: «Какая именно это причина?». Ему было достаточно факта.

— Да ладно вам, — нарушила тишину Лада, провожая Севу взглядом. — Он просто не хочет, чтобы мелкий лазил где попало. Вон, даже пацана с великом предупредил.

Клим посмотрел на пустое место, где только что стоял Сева.

— Тогда мог бы нормально сказать, — ответил он.

Это была первая точка, где факт разошёлся с толкованием. И Клим выбрал толкование, которое казалось ему более надёжным.

Они обогнули гаражи и вышли в узкий, глухой двор, зажатый между торцом пятиэтажки и старой подпорной стеной. Ветер здесь не гулял, и в воздухе тяжело висел запах мокрого бетона и перепревших прошлогодних листьев.

Даня шёл впереди, пиная мелкий камешек. Он не собирался отступить.

— Надо сказать, — упрямо произнёс он, оборачиваясь к Климу. — Сегодня же.

— Кому? — Лада остановилась и скрестила руки на груди. — И что ты скажешь? «Здравствуйте, я видел у Севы ключ»? Это даже не преступление. Может, он его нашёл.

— Там закрыто, — Даня ткнул пальцем в сторону Низа, хотя за стеной ничего не было видно. — Значит, он не должен туда ходить.

— А ты знаешь, зачем он туда ходил? — прищурилась Лада.

— Нет. А ты знаешь?

Лада промолчала, переведя взгляд на Клима. Она явно не хотела лезть в эту историю. Для неё Сева был просто сложным парнем, с которым лучше не связываться. Но для Дани мир всё ещё делился на чёткие правила.

Клим стоял между ними и чувствовал неприятную, сосущую тяжесть в животе. Он не хотел быть человеком, который бежит «стучать» на другого подростка из-за обычного ключа. Это выглядело мелко. Но с другой стороны, городское правило, вбитое в голову отцом и школой, гудело внутри: *промолчишь сейчас — будешь отвечать потом*.

— Сначала надо понять, — сказал Клим.

Это прозвучало взвешенно. Почти как слова настоящего взрослого, который умеет не рубить с плеча. Клим сам удивился, как точно легла эта фраза.

Но он не смог удержаться на этой границе. Привычный страх оказаться тем, кто пропустил опасность, заставил его добавить:

— Только если там правда что-то не так, потом будет поздно.

Даня кивнул, принимая этот аргумент, и вдруг отвернулся от них, глядя под ноги. Он подошёл вплотную к подпорной стене.

— Вот, — сказал он, указывая на асфальт. — Я про это говорил.

Клим подошёл ближе.

Дождь закончился утром. Асфальт во дворе уже высох, покрывшись светло-серыми пятнами, но прямо вдоль стыка между землёй и бетонной стеной тянулась ровная, тёмная полоса

воды. Она была узкой, не больше пары сантиметров в ширину, но земля вокруг неё блестела от влаги.

Клим присел. Это была не лужа. Вода не скопилась здесь после ливня. Она медленно, непрерывно сочилась прямо из-под нижнего шва стены, выдавливая на асфальт мелкий рыжий песок.

Даня был прав. Он увидел это первым, когда рисовал свою карту. Взрослые ходили мимо каждый день, но замечали только то, что находилось на уровне глаз.

Клим достал телефон. Он навёл камеру на мокрый шов и сделал снимок. Вспышка коротко осветила рыжую грязь и пористый серый бетон.

Лада подошла сзади, заглядывая ему через плечо. Она не смотрела на экран телефона. Её взгляд скользнул по мокрой земле чуть правее того места, где стоял Клим.

— Смотри, — тихо сказала она.

Клим проследил за её взглядом.

На вязкой, влажной грязи у самой стены чётко отпечатались следы. Тяжёлые ботинки с глубоким протектором. Следы шли не вдоль двора. Они вели прямо к краю подпорной стены, туда, где за углом находилась железная служебная калитка. Та самая, у которой Клим видел Севу.

Клим не сказал вслух, что это следы Севы. Он не знал этого наверняка.

Но в голове уже щёлкнуло. Пазл складывался слишком легко: старый ключ, скрытый проход, угроза Дане и следы у мокрой стены. Клим убрал телефон в карман, чувствуя, как его желание «сначала понять» быстро тает, уступая место холодной, ясной уверенности.

На кухне было тепло. Пахло разогретым супом, свежим хлебом и заваренным чёрным чаем. После промозглого двора этот запах казался густым и успокаивающим.

Марина сидела за столом, зажав телефон между ухом и плечом, и быстро писала что-то в рабочем блокноте. У неё был выходной, но коллеги из диспетчерской иногда переводили на неё сложные звонки.

— Где именно? — ровным, сосредоточенным голосом спрашивала она, не переставая писать. — Нет, подождите. Давайте по порядку. Вода идёт сверху, с козырька, или прямо из шва в стене?

На том конце провода кто-то сбивчиво и громко говорил. Марина слушала пару секунд, а потом мягко, но жёстко перебила:

— Поняла. Трубу прорвало или просто подтекает? Запах канализации есть? А кто ещё это видел? Хорошо, я передам бригаде. Ничего сами не трогайте.

Она сбросила вызов и устало потёрла переносицу.

Клим стоял у холодильника и молча наблюдал за ней. Он с детства привык к этим телефонным разговорам. Ему всегда нравилось, как мать умеет отсекал чужую панику. Человек на том конце провода мог кричать, что дом сейчас смоем, а Марина несколькими вопросами оставляла от истерики только голый факт: где течёт и откуда.

Клим сел напротив неё и положил свой телефон на стол, пододвинув его к матери. На экране светилась фотография: мокрая полоса вдоль бетонной стены у гаражей.

Марина надела очки, лежавшие рядом с блокнотом, и всмотрелась в снимок.

— Это где?

— Сразу за гаражами, перед спуском к калитке Низа, — сказал Клим. — Дождя уже давно нет, а она прямо из-под стены сочится. Даня заметил.

Марина кивнула, сняла очки и отодвинула телефон обратно.

— Отправь через городскую форму. Адрес, фото и время. И не пиши, что стена сейчас рухнет, если ты этого наверняка не знаешь.

— Я и не собирался, — Клим почувствовал укол раздражения. Он не любил, когда его считали паникёром.

— Я знаю, — Марина вздохнула, собирая листы блокнота в стопку. — Просто привычка. Запомни: сначала что увидел. Потом что думаешь. А то у нас каждый второй звонит и рассказывает, как город под землю уходит, а там просто трубу во дворе прорвало.

Клим провёл пальцем по краю стола. Слова матери звучали правильно, но внутри всё равно свербело от недосказанности. Он вспомнил тёмную куртку, тяжёлые ботинки и взгляд исподлобья.

— Мам, — Клим помедлил, подбирая слова. — А если... если кто-то ходит туда, куда нельзя? Там же опасно.

Марина перестала перебирать бумаги. Она посмотрела на сына — уже не как диспетчер, а внимательно, по-матерински.

— Если ты видел, что человек сделал что-то опасное — скажи, — медленно произнесла она. — Если видел только, что он был рядом, не додумывай за него остальное.

Это была важнейшая формула. Клим услышал её, но пока не примерил на себя. Ему казалось, что он и так ничего не додумывает. Следы есть? Есть. Ключ есть? Есть. Человек нервничает? Да. Разве это додумки?

На другом конце стола Ася, усердно раскрашивающая что-то фломастерами в альбоме, вдруг подняла голову.

— А если ключ старый, он всё равно открывает? — спросила она.

Клим перевёл взгляд на сестру.

— В смысле? — не понял он.

— Ну, вот у папы старый ключ от сарая открывает только сарай, — Ася снова склонилась над альбомом, старательно выводя линию. — А от подвала — нет. Хотя они одинаковые.

Это была обычная детская логика. Но она вдруг сбила Клим с ритма. Действительно, ключ Севы мог открывать одну конкретную калитку. А мог быть просто старой железкой, которую тот таскал с собой для вида. Клим видел, как Сева открыл калитку, но не знал, откуда у него ключ, куда ещё он подходит и зачем Сева ходит вниз.

Клим посмотрел на тёмный экран своего телефона.

Рассказывать про Севу он пока не будет. Матери нужны факты, а не его подозрения. Дане он тоже скажет, чтобы тот не лез на рожон.

«Я не обвиняю, — сказал себе Клим, забирая телефон со стола. — Я просто смотрю».

Он ещё не понимал, что это успокаивающее обещание было ложью. В тот момент, когда он решил просто «смотреть», он уже выбрал, кого именно будет считать угрозой.

Вечер опустился на Котловину быстро, принеся с собой холод и густое эхо. Зажглись фонари. Жёлтый свет падал на мокрый асфальт, отражаясь в длинных лужах, которые так и не высохли за день.

Клим шёл к небольшому продуктовому магазину у нижнего маршрута. В кармане куртки лежала скрученная в трубку тетрадь Лады по геометрии — он брал её переписать решение и обещал вернуть вечером.

Лада уже ждала его. Она стояла под гудящим фонарём, засунув руки в карманы куртки, но смотрела не на дорогу, а на старую деревянную скамейку в двух шагах от входа в магазин.

— Мелкого нет? — спросил Клим, подходя и протягивая тетрадь.

Лада машинально забрала её, не отрывая взгляда от скамейки.

— Не пришёл. Хотя сам после уроков пристал: стой у магазина, я тебе нормальный спуск к Низу покажу, чтобы ты крюк не делала.

— Ну, может, домой ушёл, — пожал плечами Клим. — Остыл, или мать загнала уроки делать.

— Клим, — Лада кивнула на скамейку. — Он бы это под дождём не оставил.

На мокрых, облупившихся досках лежал сложенный вдвое тетрадный лист. Клим подошёл ближе. Бумага напиталась влагой, края размокли и пошли волнами. Синяя паста от ручки, которой Даня обводил главные улицы, кое-где расплылась грязными пятнами.

Клим осторожно, стараясь не порвать сырую бумагу, развернул лист.

Простой карандаш, в отличие от ручки, не потёк. В нижнем правом углу, там, где днём Даня показывал ему крестик у служебной калитки, появилась новая надпись. Буквы были выведены второпях, с сильным нажимом, так что грифель почти прорвал бумагу:

«Дверь открывали».

А прямо под надписью шла неровная, жирная стрелка. Она вела за границу заштрихованной зоны, упираясь в нарисованный квадратик с короткой пометкой: *«Дренажная камера».*

— Он её неделю рисовал, — тихо сказала Лада, подходя к Климу. — Он бы её не бросил просто так.

Клим достал телефон. Нашёл в недавних вызовах номер Дани — тот звонил ему пару дней назад, чтобы узнать домашку по истории. Гудки пошли сразу. Длинные, ровные, спокойные.

Никто не ответил. Звонок сбросился.

Клим нажал вызов ещё раз. Снова длинные гудки, обрывающиеся глухой тишиной. Телефон Дани был включён, но трубку он не брал.

Клим опустил телефон. Влажный ветер обжёг лицо, но внутри вдруг стало очень холодно и ясно. Шестерёнки, которые весь день со скрипом проворачивались в голове, наконец встали на свои места, образовав цельный, пугающе логичный механизм.

Старый ключ на кольце.

Злой, исподлобья брошенный взгляд Севы.

Мокрые следы тяжёлых ботинок у стены, ведущие к калитке Низа.

Свежая надпись на брошенной карте.

Клим сделал первый, самый опасный переход в своей голове. Это ещё не было обвинением. Это была просто реконструкция, которая казалась единственно верной: *Сева ходит туда. Сева был там сегодня. Даня пошёл за ним, чтобы проверить карту.*

Тишину разорвал звук.

Глухой, тяжёлый металлический удар. Он пришёл снизу, со стороны Нижних уступов, пробившись сквозь шум рынка и гул вечернего города. Будто кто-то с силой ударил железом по железу, пытаясь то ли закрыть, то ли выбить старую дверь.

Клим резко поднял голову.

Лада вздрогнула и посмотрела в ту же сторону. Темнота за гаражами казалась непроницаемой.

— Это откуда? — нервно спросила она.

Клим сжал в руке размокшую карту.

— Оттуда, куда Даня не должен был идти.

Глава 3. Камера

Даня не отвечал уже четвёртый раз.

Длинные, ровные гудки обрывались глухой тишиной автоответчика. Клим опустил телефон. Ветер у магазина стал резче, он гнал по мокрому асфальту мелкий мусор и обрывки чеков. Жёлтый свет фонаря падал на скамейку, где лежала размокшая карта с жирной, выведенной карандашом стрелкой.

Рядом Лада прижимала свой телефон к уху. Она звонила Ирине, матери Дани.

— Здравствуйте, — быстро заговорила Лада, и Клим по её вытянувшемуся лицу сразу всё понял. — Нет, его с нами нет. А он домой не приходил? Ясно. Нет, всё нормально, мы просто тетрадь ему забыли отдать. До свидания.

Лада сбросила вызов и посмотрела на Клима.

— Дома его нет.

Клим больше не ждал. Он открыл список контактов и нажал на номер матери. Диспетчерская служба аварийных сетей работала круглосуточно. Марина ответила после второго гудка, на фоне слышался гул чужих голосов и щелчки клавиатуры.

— Мам, это я, — Клим говорил быстро, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Даня Рудин пропал. Он был у нижнего прохода, между Средними и Низом. Оставил здесь вещи. И калитка там может быть открыта.

Марина мгновенно переключилась. Исчезла мать, остался диспетчер.

— Где вы сейчас?

— У магазина на углу. Идём по верхнему маршруту к служебной калитке.

— Не заходите в закрытые помещения, — жёстко сказала она. — Стой у входа. Я передам дежурной бригаде и полиции. Оставайтесь на связи. Если услышите ребёнка — сразу говорите, откуда звук. Понял?

— Да.

Клим отключился. Пока он говорил, слова сами выстроились в голове в чёткую, железобетонную линию. Даня. Открытая калитка. Старый ключ. Сева.

— Я видел Севу у калитки вечером, — сказал он Ладе, убирая телефон в карман. — Может, он что-то знает.

Это была точная формулировка. Клим ещё не произнёс вслух «Сева забрал Даню». Он держался за факты.

Но со стороны Нижних уступов, из темноты за гаражами, снова донёсся металлический лягг. Два глухих удара. Короткая пауза. И ещё один, более сильный, от которого, казалось, завибрировал влажный воздух.

Клим посмотрел на Ладу.

— Это не ветер, — сказал он.

Они сорвались с места.

Они добежали до технического прохода за пару минут. Дыхание сбилось, холодный воздух обжигал горло.

Железная решётчатая калитка была приоткрыта. Старая, выцветшая за зиму предупреждающая лента не была сорвана — её аккуратно сдвинули в сторону, перекинув через ржавый

прут, чтобы не мешала пройти. На нижней перекладине рамы, там, где дверь обычно тёрлась о бетон, тускло блестела свежая царапина до голого металла.

Клим включил фонарик на телефоне и опустил луч под ноги.

Асфальт здесь заканчивался, переходя в вязкую, намытую дождями землю перед бетонным спуском. На грязи чётко отпечатались следы. Крупные, с глубоким протектором — от тяжёлых ботинок. И рядом другие — мелкие, с плоским рисунком, от обычных кроссовок. Один из мелких следов смазлся в длинную борозду: кто-то поскользнулся на мокрой глине, пытаясь удержать равновесие.

Клим инстинктивно прижал руку к карману куртки, где лежала размокшая карта Дани. Стрелка вела именно сюда.

— Клим, — Лада остановилась в шаге от калитки. Она дышала тяжело, глядя в чёрный провал прохода. — Твоя мама сказала ждать снаружи. Взрослые уже едут. Не надо лезть внутрь.

Клим посмотрел за решётку. Он не собирался играть в героя-исследователя и спускаться в подземные лабиринты Низа. Калитка открывала путь только к первой технической площадке, зажатой между подпорными стенами. Оттуда ещё был виден жёлтый свет уличного фонаря, а сотовые телефоны ловили сеть.

Вдоль стены тянулись толстые чугунные трубы, покрытые испариной. Бетон вокруг них потемнел. Вода здесь не текла ручьём, она медленно и густо собиралась в нижнем шве, образуя чёрную, неподвижную лужу. Прямо над трубами белела трафаретная надпись: «ПРОХОД ЗАПРЕЩЁН. ОПАСНАЯ ЗОНА». А чуть ниже, сквозь облупившуюся серую краску, проступали старые, выцветшие буквы и цифры: «ДРЕНАЖ 4-Б».

Клим стало страшно.

Это был не детский страх темноты или подземелий. Страх был абсолютно реальным, физическим и тяжёлым. Глядя на скользкую глину и влажные стены, Клим до конца осознал: Дана действительно зашёл туда. Живой, одиннадцатилетний мальчишка оказался в этом холоде, среди сырого бетона и запаха ржавчины.

— Я только до первой площадки, — сказал Клим, не выключая фонарик. — Стой здесь. Держи связь. Если что — кричи.

Он шагнул за калитку.

Из глубины прохода, отразившись от сырых стен, снова раздался металлический удар. А следом — резкий, сорванный, отдающийся глухим эхом голос Севы:

— Да стой ты!

Клим замер. Было совершенно непонятно, кому Сева это кричит.

Клим завернул за угол подпорной стены. Свет фонарика дёрнулся и выхватил из сырой полутьмы старую техническую площадку. Здесь проход расширялся, образуя боковую нишу и узкий сервисный лаз, а дальше путь преграждала массивная железная дверь дренажной камеры.

У этой двери, прямо в луже на коленях стоял Сева.

Он совсем не был похож на хладнокровного хозяина положения, каким казался днём у гаражей. Он тяжело и хрипло дышал. Его куртка намочила по самые локти и перепачкалась в глине. Ладони были покрыты бурой ржавчиной и свежими, кровоточащими порезами. В руках он сжимал толстый металлический прут.

Сзади раздались быстрые шаги. Лада всё-таки не осталась у калитки — она подошла и встала плечом к плечу с Климом.

— Где Дана? — автоматически спросил Клим.

Сева резко обернулся, вскинув голову. В его взгляде мелькнул затравленный ужас, который он тут же попытался прикрыть привычной колючестью.

— Не лезьте сюда, — хрипло бросил он.

— Где он? — Клим сделал шаг вперёд.

Сева опустил прут. Плечи его обмякли.

— За дверь. Она села.

Лада мгновенно поднесла телефон ближе ко рту — она так и не сбросила вызов с диспетчерской.

— Мы нашли Севу, — её голос дрожал, но слова звучали чётко. — Он говорит, Даня за дверь. Технический проход, дренаж четыре-бэ, кажется.

Клим опустил фонарик чуть ниже. Луч скользнул по мокрому бетону.

В жидкой грязи рядом с коленом Севы валялся тот самый старый ключ на кольце. На краю железной двери, возле заржавевших петель, тускло блестели глубокие свежие царапины. Толстый металлический прут в руках Севы был сильно изогнут.

А левее, в узкой боковой щели сервисного лаза, с бетона была содрана многолетняя чёрная слизь. Кто-то совсем недавно пытался туда протиснуться, сдирая куртку и кожу на руках. Сева пытался добраться до камеры с другой стороны, в обход заклинившей двери.

Третий Факт лежал прямо перед глазами Клим. Согнутый металл, кровь, валяющийся в грязи ключ. Но эмоционально всё это пока не имело веса. В голове билась только одна оглушающая мысль: Даня заперт там.

— Я его закрыл, — быстро, срываясь, проговорил Сева. Он смотрел не на Клим, а на изуродованную кромку металла. — На минуту. Он орал, что расскажет. Я думал, закрою, пугну и открою сразу.

— А потом? — спросил Клим.

— Потом она заклинила.

Клим почувствовал, как внутри всё сжимается от злости.

— Почему ты никого не позвал?

Сева поднял на него глаза. Он смотрел так, будто Клим спросил что-то совершенно немыслимое. Будто Клим был с другой планеты и не понимал самых базовых законов Котловины: позови Сева взрослых — и он навсегда станет тем, кто запер ребёнка в подzemье.

— Я пытался, — глухо ответил Сева.

Это не было полным объяснением. Но это было правдой: он пытался открыть дверь сам, до последнего надеясь всё исправить и не стать виноватым.

Клим получил прямое признание. Его логическая цепочка подтвердилась: Сева действительно сделал это. Но в то же время Клим видел перед собой не расчётливого злодея, а измученного, паникующего подростка, который совершил страшную глупость и теперь не знал, как её отменить.

Из-за толстого слоя железа раздался слабый, глухой удар.

А затем сквозь щели пробился тихий, дрожащий голос Дани:

— Сева?

Клим шагнул к железной створке.

— Не дави туда! — Сева резко выставил руку с зажатым в ней прutom, преграждая ему путь.

Клим остановился.

— Она на нижней петле висит, — быстро, глотая слова, объяснил Сева. — Верхнюю вырвало. Если сейчас навалиться снаружи, дверь сорвётся внутрь и его прижмёт.

Клим посмотрел на перекошенный металл. В этот момент ему впервые пришлось послушать Севу. Тот знал вес железа, понимал, как работают старые петли, и сейчас предотвращал новую ошибку.

Клим медленно опустился на корточки так, чтобы оказаться как можно ближе к узкой щели между дверью и косяком.

— Даня. Это Клим, — громко и чётко сказал он в холодный металл. — Мы здесь. Мы тебя слышим.

За дверью раздался шорох, хлопанье, а затем сдавленный выдох:

— Клим?.. Откройте. Пожалуйста.

Клим не стал говорить «всё хорошо» или «не бойся». Всё было не хорошо.

— Взрослые уже едут. Сюда идёт аварийная служба, — ровно произнёс Клим. — Ты можешь дышать? Рука болит? Свет есть?

Повисла пауза. Оттуда донеслось прерывистое дыхание.

— Света нет, — голос Дани дрожал, срываясь на высокие ноты. — Телефона нет. Я дёргал ручку и упал... Запястье болит. Тут вода по полу течёт. Мне холодно.

Клим опустил взгляд. Из-под нижнего края железной двери, протискиваясь сквозь ржавчину, на бетон площадки действительно выползала тонкая мутная струйка.

Сева, стоявший в полуметре, тоже посмотрел на воду. Он замер. На секунду с его лица слетела маска загнанного подростка, и Клим увидел человека, который вдруг осознал: место, которое он выбрал для «воспитания», оказалось куда опаснее, чем он думал.

Лада опустилась на корточки рядом с Климом. Она держалась лучше, чем он ожидал: не плакала, не суежилась, голос её звучал почти так же уверенно, как у Марины по телефону.

— Даня, это Лада. Я тоже здесь. Слушай меня, — сказала она. — Не сиди в воде. Встань или прижмись к стене, где повыше. И давай дышать, чтобы не замёрзнуть. Считай вдохи. Вдох... выдох... Давай вслух.

Из-за двери донеслось тихое, послушное:

— Один... два...

Лада чуть отстранилась от металла. Она посмотрела на Севу, на его окровавленные руки, на изогнутый стальной прут и на разодранную в клочья куртку. Затем повернула голову к Климу и едва слышно прошептала:

— Ты видел, что он пытался открыть?

Клим посмотрел на Севу. Он видел. Факты кричали об этом с каждой царапины на двери и с каждого пореза на чужих руках. Третий Факт лежал прямо перед ним.

— Потом, — коротко ответил Клим.

Это было первое «потом». Клим произнёс его не из жестокости и не потому, что хотел уничтожить Севу. Он просто расставил приоритеты: пока Даня сидит в ледяной воде за заклинившей дверью, любые объяснения и сложности не имеют значения. Сначала нужно вытащить ребёнка.

И Клим ещё не знал, что именно с этого правильного, справедливого решения начнётся его будущая слепота. Для Севы это «потом» могло не наступить никогда.

По бетонному коридору со стороны калитки разнеслось гулкое эхо. Тяжёлые, быстрые шаги. По стенам запрыгали белые лучи мощных фонарей. Голоса взрослых сливались в напряжённый гул.

Сева дёрнулся, как от удара. Он посмотрел в сторону приближающегося света, потом перевёл отчаянный взгляд на Клима.

— Не говори пока, что я... — быстро зашептал он, пятась к стене.

Он не закончил фразу.

Свет фонарей всё быстрее резал сырую темноту коридора. Тени от труб дико заматались по бетонным стенам. Взрослые были уже за поворотом.

Сева не попытался сбежать. Он не бросился к выходу, чтобы скрыться в темноте Низа. Вместо этого он сделал последнее отчаянное движение: схватил с пола изогнутый металлический прут и снова рванулся к узкой боковой щели, в которую пытался протиснуться раньше.

Его руки скользили по ржавчине, свежие порезы на ладонях снова начали кровоточить, но он с остервенением вогнал конец прута между бетоном и металлом.

Клим шагнул наперерез.

— Хватит, — твёрдо сказал он. — Взрослые идут.

Сева не обернулся, налегая всем весом на железку. Прут скрипнул, но не поддался.

— Если сейчас заклинит совсем, они её не откроют быстро! — хрипло и зло выдохнул Сева. — Там петлю вывернет!

Клим не знал, правда ли это. Он не разбирался в старых механизмах. Может быть, Сева действительно пытался предотвратить худшее, а может, просто не мог остановиться, в панике пытаясь вернуть себе контроль над ситуацией, которую сам же и разрушил.

Но Клим не стал оттаскивать его силой. Он просто произнёс одну фразу.

— Ты уже слишком долго решал сам.

Это были жестокие слова, но они были абсолютно справедливыми. Сева замер. Его плечи тяжело опустились. Металлический прут выскользнул из окровавленных пальцев и со звоном упал на влажный бетон. Сева отступил от стены, опустив голову.

В ту же секунду из-за угла выхлестнул яркий свет.

Первой на площадку выбежала Марина. Она была в расстёгнутой куртке, с фонариком в руке. За ней тяжело дышал отец Дани, Андрей Рудин, а следом шёл крепкий мужчина в спецовке аварийной службы, держащий на плече тяжёлый лом и гидравлические кусачки.

— Отойдите от двери! — крикнул рабочий, с ходу оценивая перекошенную створку.

Марина мгновенно оттеснила Клима и Ладу к стене, подальше от металла. Рудин бросился к двери, но рабочий перехватил его за плечо:

— Не трогай! На нижней висит, сейчас сорвёшь — внутрь упадёт.

Сева стоял чуть в стороне, прижавшись спиной к мокрому бетону. Свет фонарей скользнул по его изорванной куртке, по грязному лицу и разодранным рукам. Рудин посмотрел на него, потом на изуродованную дверь, но ничего не сказал — сейчас всё его внимание было приковано к камере.

Из-за толстого железа раздался слабый стук.

— Не уходите, — донёсся дрожащий голос Дани.

— Не уйдём, — громко ответил Клим.

Но в этот момент он смотрел не на дверь, за которой сидел испуганный ребёнок.

Клим смотрел под ноги. В жидкой, намытой глине, всего в полуметре от ботинка Севы, лежал старый потемневший ключ на кольце. Главная и единственная причина того, почему всё это вообще произошло.

Взрослые начали вскрывать дверь. Скрежет металла оглушил площадку, вытесняя все остальные звуки. Клим стоял у стены и чувствовал, как внутри него окончательно затвердевает ясная, понятная картина.

Всё лишнее отсекалось. Остался только запёртый Дани, вскрытая калитка и Сева с его ключом. Всё остальное Клим оставил на «потом». И он ещё не знал, что это «потом» перечёркнёт чужую жизнь.

Глава 4. Прут

Прут вытащили из-под двери раньше, чем Даню.

Толстый кусок арматуры, которым Сева пытался поддеть створку, с глухим лязгом выскользнул из щели, когда дежурный техник аварийной службы с силой навалился на монтировку. Прут был погнут почти пополам, на ржавом металле блестели тёмные пятна — то ли вода, то ли содранная с ладоней кровь.

Техник, плотный мужчина в оранжевой жилетке поверх куртки, отбросил железяку в сторону и тяжело выдохнул.

— Этим ты только повёл железо, — бросил он Севе, даже не оборачиваясь.

Сева стоял у стены, белый, мокрый и молчаливый. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но слова застряли. Он просто смотрел на дверь.

Марина не стала кричать на Севу или устраивать допрос. Она действовала как диспетчер, который прибыл на место раньше бригады и теперь должен собрать разрозненный хаос в управляемую схему.

— Дверь куда открывается? — быстро спросила она техника, направляя луч фонаря на петли.

— Внутрь, — мрачно ответил тот, примеряясь кусачками к заклинившему нижнему краю. — Петля просела, нижний край зажёван в бетон. Если сейчас дёрнуть на себя — оторвём верхнюю. Если просто навалиться и выбить — створка рухнет в камеру.

Марина повернулась к Климу.

— Даня где сейчас?

— Сидит прямо за дверью.

— Вода поднимается?

— Нет, просто течёт по полу.

Марина шагнула к щели, стараясь не наступать в мутную, намытую из камеры лужу.

— Даня, слушай меня, — громко и чётко сказала она в узкий зазор. — Это мама Клима. Тебе надо отойти от двери. Сможешь?

Из-за металла донёсся шорох, потом хлопанье. Даня ответил не сразу.

— Я не могу, — его голос дрожал, срываясь от холода. — У меня нога...

Марина замерла. Техник перестал возиться с монтировкой.

— Что с ногой? — быстро спросил Клим, присаживаясь рядом с матерью. — Болит?

— Нет. Она затекла. Я сидел долго. И тут скользко. Я упаду.

Клим выдохнул. Это была не переломанная кость, не зажатая стопа — просто онемевшая нога и страх темноты. Но этот страх был таким плотным, что Даня не мог заставить себя пошевелиться.

— Если он останется там, мы её не выбьем, — тихо констатировал техник. — Придавит. Надо чем-то подцепить створку изнутри и держать, пока я срываю низ.

— Там есть люк, — вдруг хрипло сказал Сева.

Все обернулись к нему. Сева не смотрел на Марину или техника. Он смотрел на согнутый прут, валяющийся в грязи.

— С правой стороны камеры, — он говорил быстро, глотая окончания. — Там старая вентиляционная ниша. Я через неё пытался... Там можно просунуть трос или завести клин, чтобы дверь не упала на него.

Техник смерил его тяжёлым взглядом. Доверять подростку, который сам же и устроил всё это, не хотелось. Но инженерная логика победила эмоции.

— Покажи, — коротко велел он и махнул рукой своему помощнику, который только что спустился по лестнице с мотком стального троса.

Они ушли в узкий боковой проход. Сева действительно оказался полезен. Он знал, где находится ниша, знал, как к ней подобраться. Его компетенция не делала его хорошим человеком, не отменяла его вины, но прямо сейчас она помогала спасти ребёнка.

Клим остался сидеть у щели. Из камеры донёсся короткий, сдавленный вскрик.

— Даня? — напрягся Клим.

— Вода... — всхлипнул Даня по ту сторону железа. — Вода кроссовок достала.

Она не поднималась. Просто ледяная, мутная жижа, медленно текущая по бетону, наконец добралась до того места, где сидел Даня, и впилась в ткань. И этот маленький, бытовой холод прорвал последнюю плотину его выдержки.

— Даня, слушай меня, — Клим придвинулся к самой щели. Он не стал говорить «всё будет хорошо» или «не бойся». Страх уже был здесь, и отменять его было глупо. — Мы открываем. Тебе надо отойти от двери. Сядь у стены, где суше. Обопрись на руки, если нога не держит.

За металлом раздался влажный шорох. Даня тяжело задышал, пытаясь сдвинуться с места.

— Слушай меня, — твёрдо повторил Клим, перекрывая гул голосов снаружи. — Не Севу. Меня слышишь?

— Слышу, — выдохнул Даня.

Клим инстинктивно отделил его от Севы. Он стал для Дани точкой безопасности, голосом, который не обманет и не запрёт.

Лада опустилась на корточки рядом. Она прижалась лбом к холодному косяку и заговорила ровно, как метроном:

— Даня, я считаю. Вдох на раз, выдох на два. Давай. Один... два...

Она заставляла его дышать, чтобы паника не сжала лёгкие окончательно.

Сева стоял в шаге от них. Он только что вернулся из бокового прохода — техник просунул в вентиляционную нишу стальной трос и теперь помощник удерживал дверь изнутри. Сева смотрел на железную створку. Его губы дрогнули. Он сделал нерешительный шаг вперёд, наклонился к щели и хрипло сказал:

— Даня, я не...

— Не говори, — голос из камеры прозвучал слабо, но удивительно резко.

Сева осёкся. Он медленно выпрямился и отступил к стене, опустив руки вдоль туловища. Даня не стал кричать или ругаться. Он просто использовал своё право не слышать того, кто сделал ему страшно. И это короткое «не говори» ударило по Севе сильнее, чем любой крик.

— Отошли все! — скомандовал техник.

Марина оттащила Клима и Ладу назад. Техник вогнал плоский конец монтировки под заклинивший нижний угол двери и навалился на рычаг всем весом.

Раздался оглушительный металлический визг. Ржавчина посыпалась на мокрый бетон. Дверь дёрнулась, сорвалась с нижней петли и с грохотом пошла внутрь камеры. Трос, заведённый через вентиляцию, натянулся струной, удержав тяжёлую створку от падения. Образовался проём шириной в полметра.

В лицо ударил спёртый запах сырости, стоячей воды и плесени.

Даня сидел у дальней стены, подтянув колени к груди. Свет фонарей ударил по нему, выхватив из темноты грязную, намокшую куртку, белое от холода лицо и содранную ладонь, которую он прижимал к животу. Он шурился от яркого света, дрожа так сильно, что это было видно даже издали.

Он не бросился к Севе. Он вообще не посмотрел в его сторону. Его расширенные зрачки остановились на Марине и Ладе.

Марина шагнула внутрь прямо по щиколотку в мутную воду. Она подхватила Даню под мышки, помогла ему подняться на затёкшую ногу и вывела из камеры на площадку.

Клим смотрел на Даню. На его трясущиеся плечи, на мокрые насквозь кроссовки, на кровь, размазанную по грязной ладони. И в этот момент всё, что Клим видел до этого — порезанные руки Севы, погнутый прут, валяющийся в грязи ключ, — вдруг потеряло свой вес.

Это не было сухой математикой, где «запер» минус «пытался спасти» равнялось «не так уж виноват». Результат был перед глазами. Живой, замёрзший, испуганный ребёнок. Клим почувствовал, как жалость к Севе сменяется глухим, тяжёлым отторжением.

Марина повела Даню по коридору к выходу, туда, где уже мигали синие проблесковые маячки скорой помощи и аварийки. Лада шла рядом, придерживая его за здоровое плечо.

У самой калитки Даня вдруг остановился. Он не обернулся, но его голос прозвучал в гулкой тишине прохода чётко и ясно:

— Он меня ещё закроет?

Никто не ответил сразу.

На небольшой асфальтированной площадке перед калиткой уже мигали синие маячки скорой помощи и аварийной «ГАЗели». Свет фар выхватывал из темноты мокрую подпорную стену и блестящие от сырости стволы старых тополей. С неба снова начала сеять мелкая, ледяная морось.

Ирина, мать Дани, добежала до них первой. Она выскочила из остановившейся машины мужа ещё до того, как та успела затормозить.

Она не стала устраивать сцен ради случайных зрителей. Не закричала, не заломила руки. Ирина просто упала на колени прямо в грязную лужу перед сыном и крепко схватила его за плечи. Её лицо было бледным, как бумага.

— Где болит? — быстро, сканирующим взглядом оглядывая Даню, спросила она. — Голова целая? Ногу чувствуешь? Встать на неё можешь?

Даня кивнул, цепляясь за её куртку здоровой рукой.

Отец Дани, Андрей Рудин, подошёл следом. Но он не бросился к сыну. Для него страх всегда переводился в потребность найти причину и механизм поломки. Он прошёл мимо жены и заглянул за открытую решётку калитки, туда, где техники аварийной службы уже собирали инструмент.

Его взгляд скользнул по перекошенной двери камеры, по ржавым петлям, по луже на полу.

— Кто закрыл? — сухо, почти спокойно спросил Андрей, обращаясь к технику. — Чем открывали? Почему эта дверь вообще была рабочая, если проход запрещён?

Техник пожал плечами, укладывая монтировку в ящик.

— Замок щёлкнул, нижний край зажевало. Открывали мы. А закрыл... — он кивнул в сторону.

Андрей повернул голову и посмотрел на Севу.

Сева стоял в нескольких метрах, у бампера аварийной машины. Он обхватил себя руками, пряча окровавленные ладони. Под тяжёлым взглядом Рудина он дёрнулся, сделал неверный шаг вперёд и открыл рот:

— Я не хотел...

— Не говори с ним, — голос Ирины резанул по воздуху, как стекло.

Она даже не обернулась. Она продолжала ощупывать содранную ладонь сына, но в её ровной, лишённой истерики фразе была такая глухая стена, о которую разбились бы любые оправдания. Это было её право: она не обязана была слушать мотивы того, кто сделал её ребёнку страшно.

Сева осёкся, захлопнув рот.

Андрей перевёл взгляд на землю у ног техника, где в свете фар валялся толстый, изогнутый дугой металлический прут со следами бурой ржавчины и крови.

— Это его? — спросил Рудин.

— Мой, — глухо ответил Сева.

— Ты пытался открыть?

Сева коротко кивнул.

Андрей выдержал паузу. Он смотрел на мокрого, измученного подростка без ненависти, но с ледяным, убийственным недоумением.

— А почему не позвал сразу?

Сева не ответил. Ему нечего было сказать. Любое слово сейчас прозвучало бы жалко.

Клим стоял в двух шагах от Севы. В этот момент Сева нервно дёрнул рукой, и из кармана его порванной куртки наполовину выскользнул телефон. Экран загорелся от пришедшего уведомления. Клим машинально скользнул по нему взглядом и замер.

На светящемся дисплее висел список недавних вызовов. Красная стрелка — пропущенный. И сразу под ней — исходящий на короткий номер аварийной службы. Длительность: 5 секунд.

Сева действительно пытался позвать помощь. Но он позвонил слишком поздно и, видимо, сбросил вызов, не сумев объяснить, что именно он натворил и почему оказался у закрытой камеры.

Клим не стал вникать во все детали прямо сейчас. Но этот светящийся экран врезался в память. История была куда сложнее, чем просто «запер и ушёл». Сева барахтался в собственной панике, делая только хуже, но он не был хладнокровным садистом.

К машине подошли врачи скорой. Рудин отвернулся от Севы и пошёл к жене, помогая поднять Даню и усадить его в тёплый салон с мигающими приборами.

Сева остался стоять один, отрезанный от суеты, от взрослых, от спасения. Он смотрел на то, как закрываются двери скорой помощи.

Затем он медленно повернул голову. Его взгляд встретился со взглядом Клима.

— Я вернулся, — очень тихо сказал Сева.

Клим услышал.

Мелкая, ледяная морось стала гуще. Она оседала на волосах и плечах, покрывая всё вокруг тонкой влажной плёнкой. Скорая помощь чуть сдвинулась назад, разворачиваясь на узкой площадке. Взрослые сгруппировались у открытых задних дверей машины, переговариваясь с фельдшером.

Клим и Сева остались в стороне, у старой решётчатой калитки. Никто их пока не трогал.

Сева стоял, прислонившись затылком к мокрому бетону. Он не пытался выдавить слезу, не просил прощения и не говорил заученное «я не хотел». Когда он заговорил, его голос звучал рвано и зло — но эта злость была направлена на самого себя.

— Я закрыл его, — произнёс Сева, глядя куда-то в землю. — Думал, он посидит пару минут, испугается и перестанет орать про свои правила.

Он сглотнул, дёрнув кадыком.

— А потом дверь села. Намертво. Я дёргал, но она даже не шла. Я вернулся. Прут взял у гаражей. Через боковую щель лез, думал, рычагом выдавлю. Я звонил.

— Но ты не сразу, — жёстко сказал Клим.

Сева поднял голову.

— Не сразу, — эхом отозвался он.

В этом ответе не было попытки выгородить себя. Клим смотрел на его ладони. На въевшуюся под ногти бурую ржавчину. На глубокие, рваные ссадины, промытые дождём. Взгляд

Клима скользнул в сторону, к колесу аварийной машины, где на мокром асфальте валялся согнутый пополам толстый стальной прут.

Клим понимал: Сева не бросил Даню. Он рвал руки, ломал железо и пытался всё исправить. Он не ушёл домой спать.

Но почти сразу за этим пониманием внутри Клима поднялась другая, более тяжёлая и холодная мысль: *это всё равно ничего не меняет.*

Какая разница, как сильно Сева стёр себе руки, если Даня всё это время сидел в темноте на ледяном полу? Какая разница, что он пытался сделать потом, если именно он повернул ключ? Сложность Севы, его паника и его попытки спасти ситуацию казались Климу сейчас просто неуместными. Они мешали, как лишний мусор на чистом столе.

Клим кивнул в сторону скорой помощи, где в освещённом салоне сидел белый от страха Даня.

— Из-за тебя он там, — сказал Клим.

Сева посмотрел на мигающие синие маячки. Он не стал спорить. Он просто принял этот удар, потому что спорить было не с чем.

Сева отлепился от стены. Со стороны скорой к ним уже шёл Андрей Рудин, а за ним, кутаясь в куртку, направлялась Марина. Времени на разговоры больше не было.

Сева посмотрел прямо в глаза Климу.

— Только не говори, будто я его бросил, — очень тихо сказал он.

Клим ничего не ответил.

Скорая помощь уехала, увозя Даню и его родителей. Синие отблески маячков скользнули по мокрым стволам тополей и растворились в темноте верхних ярусов. На площадке сразу стало тише и как-то пуще.

Техники аварийной службы устало сворачивали толстые жёлтые кабели и складывали инструмент в кузов «ГАЗели». Морось не прекращалась, оседая на куртках ледяной пылью.

Свет фар выхватил подъехавшую к гаражам тёмную машину. Дверь открылась, и на асфальт шагнула Вера Аркадьевна Левина. Завуч по безопасности и председатель городского Совета профилактики приехала не как следователь с мигалками и не как надзиратель. Она оказалась здесь так быстро просто потому, что система оповещения Котловины сработала: ребёнок пострадал, подросток признал вину, и городская тревога начнёт расти ещё до того, как наступит утро.

Вера Аркадьевна не стала устраивать допрос в ночи. Она не стала собирать всех в круг. Сначала она коротко переговорила с Мариной, уточнив, в какую больницу повезли Даню и в каком он состоянии. Потом обменялась парой фраз с дежурным техником.

Только после этого она подошла к Климу.

Она выглядела собранной. Строгая куртка застёгнута под горло, волосы влажные от дождя, взгляд внимательный, но не давящий.

— Ты был здесь до взрослых? — спросила она негромко.

— Да, — Клим кивнул.

— Завтра утром сможешь прийти ко мне и спокойно рассказать, что видел? — её голос звучал ровно, как у человека, который пытается удержать порядок в наступающем хаосе.

— Смогу.

— Ничего не вспоминай сейчас специально. Не накручивай себя, — Вера Аркадьевна положила руку ему на плечо. Это был хороший, правильный жест взрослого, который заботится о подростке после стресса. — И главное: просто не обсуждай это ни с кем по чатам. Никаких версий до утра. Договорились?

— Да.

Она говорила абсолютно правильно. Именно поэтому её будущая ошибка станет такой страшной. Вера Аркадьевна отошла к машине, где техник аварийной службы уже доставал из кузова плотный пластиковый пакет.

Клим посмотрел в ту сторону.

Сева стоял один, у самой кирпичной стены гаража. Он ссутулился, пряча окровавленные руки в карманы разорванной куртки, и молча смотрел, как техник поднимает с мокрого асфальта согнутый стальной прут и бросает его в пакет. Следом туда же отправился старый потемневший ключ на кольце. Вещдоки. Фиксация события.

Сева выглядел не опасным монстром, а просто сломанным, уставшим человеком, который ждал, когда за ним приедет отец или полиция.

Клим перевёл взгляд на Веру Аркадьевну. Он вдруг очень ясно понял: завтра его слова будут иметь вес. Возможно, огромный вес. Больше, чем слова самого Севы, потому что Сева — виновник, а Клим — надёжный, правильный свидетель, который всё видел.

Аварийная машина завелась, осветив фарами кусок подпорной стены и лужу на асфальте. В свете фар блеснула тонкая полоска воды, всё ещё сочащаяся из-под бетона.

Прут уже забрали. Ключ тоже. Площадка пустела.

Клим стоял на холодном ветру, и в его голове лежало то, чего никто, кроме него, пока не собрал в одну неразрывную историю. Три факта, которые он видел собственными глазами.

Сева запер Даню.

Сева не сразу позвал помощь.

Сева вернулся.

Он знал их все. Но глубоко внутри, под слоем усталости и злости за замёрзшего Даню, Клим уже сделал свой выбор. Он решил, что завтра отдаст взрослым только ту правду, которая имеет значение.

Глава 5. Что ты видел

Утром у Севы не было сил даже прийти в школу.

Клим узнал об этом не от учителей и не из официальных списков отсутствующих. Он просто поднялся на третий этаж, прошёл мимо кабинета физики, где обычно собирались девятиклассники, и увидел, что Севы нет. Его привычное место у подоконника, в самом конце глухого коридора, было пустым.

Школа гудела, как обычно. Хлопали двери раздевалки, кто-то доедал на ходу слипшуюся булку из столовой, у окна две девочки громко делили зарядку для телефона, а на старом линолеуме оставались грязные, мокрые следы от весенней обуви.

Но вокруг Клина уже появилась какая-то тонкая, почти осязаемая пустота.

Одноклассники не обступали его толпой. Никто не хлопал по плечу. Они просто знали. Не всю историю — только главное: Клим вчера нашёл Даню и был рядом с Севой, когда приехала аварийная служба.

Один из параллельного класса, с которым Клим играл в волейбол на физкультуре, притормозил рядом.

— Он правда его закрыл? — спросил он вполголоса, глядя на Клина с жадным любопытством.

Клим посмотрел на него. Он не хотел отвечать, но и отмахнуться не мог.

— Да, — коротко сказал он.

— Охренеть, — выдохнул мальчишка и быстро ушёл к своим, явно собираясь передать эту новость дальше.

— Отстаньте от него, — резко бросила Лада, подходя к Климу и вставая между ним и остальным коридором.

Это не была защита Севы. Лада просто не хотела, чтобы коридор превратился в импровизированный суд, где каждый будет вытягивать из Клина подробности, чтобы потом пересказать их с собственными дополнениями.

Из кабинета литературы вышла Светлана Игоревна. Она выглядела более уставшей, чем обычно, и держала в руках стопку распечатанных бланков для Дня Трешины.

— Клим, — негромко позвала она, подойдя к ним. — Вера Аркадьевна ждёт тебя после первого урока. Мама уже пришла, она там.

Она не сделала из этого события драму. Это не звучало как вызов к директору на расправу. Это была обычная, пусть и тяжёлая, школьная процедура: если кто-то из учеников оказался свидетелем инцидента, завуч по безопасности обязана была зафиксировать его слова.

— Хорошо, — кивнул Клим.

Светлана Игоревна пошла дальше по коридору, а Клим остался стоять у стены.

В кармане завибрировал телефон. Он достал его. На экране высветилось уведомление из общешкольного чата:

«Просьба ко всем учащимся и родителям не обсуждать вчерашний инцидент в общих группах до уточнения обстоятельств. Соблюдайте спокойствие».

Под коротким текстом уже висело несколько реакций — удивлённые смайлы и вопросительные знаки.

Клим заблокировал экран. Он понимал: сейчас, через сорок минут, ему придётся зайти в кабинет Веры Аркадьевны и рассказать историю. Не так, как она ощущалась ночью под ледяным дождём. Не так, как пахла ржавчина на руках Севы или как дрожал голос Дани за железной дверью.

Ему нужно будет рассказать её так, чтобы она стала пригодной для взрослых. Чтобы её можно было записать в протокол.

Кабинет Веры Аркадьевны не был похож на стерильное помещение для допросов или кабинет большого начальника. Это была обычная, плотно заставленная рабочая комната. На шкафах громоздились толстые картонные папки, на подоконнике стояла коробка с забытыми детскими рисунками. На столе рядом с монитором остывала недопитая чашка чая, а на спинке стула висела тёмная куртка. Единственным строгим пятном на стене выделялись заламинированные планы эвакуации.

Марина сидела на стуле сбоку от стола. Она пришла сюда не как адвокат, чтобы защищать сына от школы. Она просто хотела быть рядом, чтобы Клим не остался один в этом тяжёлом, взрослом разговоре.

Вера Аркадьевна отложила телефон, придвинула к себе чистый лист бумаги и щёлкнула ручкой.

Она не стала давить или нагнетать. Вера Аркадьевна умела работать с детьми, и её главной силой было то, что она сразу устанавливала правильные границы.

— Клим, — ровно сказала она, глядя ему в глаза. — Мне не нужно, чтобы ты решал, какой Сева человек. Я не прошу тебя давать ему оценку. Мне нужно понять только одно: что ты видел, что слышал и что сделал сам. Это понятно?

— Да, — кивнул Клим.

— Хорошо. Пойдём по порядку. Когда Даня исчез?

Она задавала вопросы чётко, без лишних эмоций, и Клим отвечал так же.

— Даня не пришёл домой после школы. Мы с Ладой нашли его карту на скамейке у магазина. На ней была свежая отметка про служебную дверь.

— Почему вы пошли к калитке?

— Потому что я видел там Севу днём. У него был старый ключ.

— Что было открыто, когда вы подошли?

— Калитка. Ленту просто сдвинули в сторону.

— Где находился Сева, когда вы его нашли?

— У боковой ниши, возле самой дренажной камеры.

— Что он сказал?

— Сказал, что Даня за дверью. И что он сам его закрыл.

— В каком состоянии был Даня?

— Он был один. Дверь заклинило. Внутри на полу была холодная вода.

— Сева сразу позвал взрослых?

— Нет. Не сразу.

Вера Аркадьевна коротко записывала его ответы. Сухие, выверенные факты ложились на бумагу один за другим, выстраивая ясную, непробиваемую картину. Клим не лгал ни в одном слове. Всё, что он говорил, было чистой правдой.

Ручка замерла над листом. Вера Аркадьевна подняла взгляд.

— Когда вы нашли Севу, ты видел, как он открывал дверь?

Клим посмотрел на белый лист на столе.

— Нет, — ответил он.

Это тоже была правда. Он не видел, как Сева *открывал* дверь, потому что открыть её было невозможно. Он видел только попытки.

— Что было у него в руках? — уточнила Вера Аркадьевна.

— Прут. Металлический.

Вера Аркадьевна кивнула и вывела на бумаге: «*Металлический прут. Применение не наблюдал.*»

Клим смотрел, как синие чернила складываются в слова. В его голове в этот момент бились другие факты. Он знал, что прут был согнут почти пополам. Знал, что ладони Севы были в глубоких порезах и ржавчине. Знал, что боковая сервисная щель была мокрой от попыток пролезть внутрь. Он помнил, как Сева сказал: «*Я вернулся*». Помнил короткий исходящий вызов на экране его телефона.

Но он ничего этого не произнёс.

Не потому, что хотел жестоко наказать Севу. Он просто быстро, почти рефлекторно взвесил эти факты и решил: «Это сказал сам Сева. Он мог говорить что угодно, чтобы выгородить себя. А Даня всё равно сидел за заклинившей дверью. Если я сейчас начну рассказывать, как Сева срывал руки и пытался помочь, все решат, что я его защищаю. Что я оправдываю то, что он сделал».

Марина, сидевшая сбоку, не вмешивалась в их диалог. Но она внимательно наблюдала за сыном. Она заметила, как Клим дёрнул плечом и на секунду опустил глаза, когда завуч записывала фразу про прут. Марина, привыкшая по долгу службы вытаскивать из людей точные детали аварий, почувствовала этот незакрытый край в его рассказе.

Но она промолчала. Ей показалось, что сейчас не время давить на сына, что он просто устал. Она не задала свой вопрос.

В кабинете повисла короткая тишина. Клим слушал, как тихо гудит системный блок под столом Веры Аркадьевны.

Внутри него произошёл почти физически ощутимый сдвиг. Он впервые в жизни понял страшную вещь: можно сказать только правду, ни разу не соврать, и всё равно сделать историю чужой жизни намного уже, чем она была на самом деле.

Вера Аркадьевна перевернула лист бумаги, разгладила его ладонью и посмотрела на Клима.

— Как ты думаешь, — спокойно спросила она, — он мог снова попасть в техническую зону без ключа?

Клим посмотрел на лежащую перед Верой Аркадьевной бумагу, потом перевёл взгляд на её лицо. Вопрос про ключ требовал точности.

— Без ключа там висит замок, — ответил он. — Но ключ у него был. Я видел его днём у гаражей.

Клим коротко пересказал то, что происходило накануне днём. Без эмоций и догадок. Он рассказал, как у младшего мальчишки слетела цепь, как Сева её починил, как из кармана выпала связка и как Даня спросил про открытую калитку. Лады здесь не было, поэтому Клим говорил только от своего имени. Он передал слова Севы — то самое тихое «ничего ты не видел» — и то, как Сева быстро ушёл вниз.

Вера Аркадьевна слушала, не перебивая. Она не ахала, не качала головой и не делала страшных глаз. В отличие от многих родителей, она не спешила переводить услышанное в категорию «у нас в школе учится маньяк». Её работа заключалась в другом — в оценке риска.

Она положила ручку поверх исписанного листа и сцепила пальцы в замок.

— Хорошо. Давай подведём итог, — её голос звучал сухо и по-деловому. — У нас есть доступ подростка к закрытым техническим зонам. У нас есть младший ребёнок, которого заперли в такой зоне. И у нас есть задержка обращения за помощью, которая могла стоить ребёнку здоровья или жизни.

Она сделала короткую паузу, посмотрев на Марину, словно ища профессионального подтверждения, и та медленно кивнула.

— До выяснения всех обстоятельств, — продолжила Вера Аркадьевна, — я не могу оставить это без мер.

Клим почувствовал, как напряжение в груди немного отпускает. Он услышал в её словах именно то, чего ждал: взрослые поняли главное. Угроза была реальной, и они взяли ситуацию под контроль. Даню больше не оставят один на один с тем, кто его напугал.

— Что будет дальше? — спросила Марина. Она задала этот вопрос спокойно, понимая, что школе сейчас нужно выстроить защитный контур.

— Мы вводим временные ограничения, — Вера Аркадьевна перевела взгляд на Клима, чтобы он тоже чётко всё услышал. — Севе будет запрещён доступ к техническим проходам и любым подсобным помещениям школы. Его контакты с младшими классами будут ограничены — только в присутствии взрослых. Школа организует обязательные беседы со штатным психологом. И я прошу всех учителей не обсуждать детали инцидента с детьми, чтобы не провоцировать слухи. Окончательные выводы пока не делаются.

Она подалась чуть вперёд и посмотрела Климу прямо в глаза.

— Я хочу, чтобы ты понимал, Клим. Это не приговор. Это защита. Мы вводим её, пока не поймём всё до конца.

Она говорила абсолютно искренне. Вера Аркадьевна действительно верила, что можно аккуратно отвести человека в сторону, оградить от него остальных, разобраться в тишине, а потом всё решить. Эта её фраза была честной, и именно поэтому позже, когда город начнёт сжимать вокруг Севы кольцо, она станет такой страшной.

Клим кивнул. Облегчение смешалось внутри него с новым, тяжёлым чувством. Он только что увидел, как его собственные слова, произнесённые в тихом кабинете, мгновенно превратились в официальные действия. Эти действия уже меняли чужую жизнь, перестраивали маршруты, закрывали двери и вешали ярлыки. Его честность обрела физический вес.

Вера Аркадьевна убрала исписанный лист в плотную картонную папку.

— Спасибо, Клим. Можешь идти на урок, — она устало улыбнулась. — Мне нужно будет поговорить и с Севой. Если он скажет что-то, что меняет картину, я обязательно это учту.

Клим встал со стула.

— До свидания, — сказал он.

Он вышел в коридор, аккуратно прикрыв за собой дверь. В ушах всё ещё звучали последние слова завуча. «Если он скажет что-то, что меняет картину...»

Клим зашагал к лестнице, и внутри у него вдруг возникла неприятная, сосущая мысль.

«Он скажет, — подумал Клим. — Он скажет про прут, про руки, про то, что пытался открыть. Только ему всё равно никто не поверит».

Звонок на второй урок уже давно прозвенел. Коридор второго этажа был абсолютно пустым и гулким. Из-за закрытых дверей кабинетов доносились приглушённые голоса учителей и монотонный бубнёж учеников у доски.

Клим шёл к своему классу, глядя на полосы света, падающие из больших окон на старый линолеум.

У приоткрытой двери кабинета литературы стояла Светлана Игоревна. Она дала классу самостоятельное задание и теперь ждала Клима в коридоре, чтобы ему не пришлось заходить под перекрёстные взгляды одному.

Она не стала устраивать публичных сцен или расспрашивать его о деталях разговора в кабинете завуча. Светлана Игоревна просто посмотрела на него своим обычным, внимательным взглядом и негромко сказала:

— Я знаю, что тебе пришлось тяжело.

Клим остановился.

— Спасибо, что не стал ничего скрывать, — добавила она.

Клим замер. Светлана Игоревна не лгала. Она не знала, какую именно часть истории он оставил за порогом. Но её слова попали точно туда, где внутри Клима зияла саднящая, неудобная пустота, требовавшая немедленного подтверждения его правоты.

Он сглотнул сухость в горле.

— Я сказал, что видел, — ответил он.

— Это и есть честность, — просто сказала Светлана Игоревна. Она похлопала его по плечу. — Иди на место. Задание на доске.

Они зашли в класс. Тридцать голов мгновенно повернулись в их сторону. Клим не стал ни на кого смотреть. Он прошёл к своей парте на среднем ряду, достал учебник, тетрадь и сел рядом с Ладой.

Лада видела его лицо. Она слишком хорошо его знала, чтобы не заметить эту новую, жёсткую складку у губ и то, как неестественно прямо он держит спину. Она не стала шептать вопросы через парту. Она подождала минут десять, пока Светлана Игоревна села за свой стол проверять стопку тетрадей, а класс погрузился в скрип ручек.

Затем Лада оторвала узкий клочок бумаги от полей черновика, быстро черкнула что-то ручкой и молча сдвинула его по парте к Климу.

Клим скосил глаза. На белой полоске неровным почерком Лады было написано:

«Ты всё сказал?»

Клим долго смотрел на эти три слова.

Свет из окна падал прямо на бумагу. Ему нужно было просто взять ручку и написать «Да». Или «Нет». Но он не сделал ни того, ни другого.

Он не мог написать «Да», потому что это было бы прямой ложью человеку, который вчера стоял рядом с ним у боковой ниши. И он не мог написать «Нет», потому что тогда ему пришлось бы признать, что его умолчание было не случайностью, а сознательным выбором. А называть это выбором он был пока не готов.

Клим просто скомкал бумажку в кулаке и сунул её в карман брюк. Он не повернул головы к Ладе, уставившись в открытый учебник. Боковым зрением он видел, как она перестала писать, покрутила ручку в пальцах и тоже отвернулась к окну.

Урок тянулся вязко и медленно.

Вдруг на учительском столе с резким, дребезжащим звуком завибрировал телефон. Светлана Игоревна вздрогнула, отложила красную ручку и взяла аппарат.

Она прочитала сообщение на экране. Клим увидел, как её лицо мгновенно изменилось — из спокойного, рабочего оно стало напряжённым и жёстким. Светлана Игоревна поднялась со стула.

— Тишина в классе, — коротко бросила она. — Пишем. Я на минуту.

Она быстро вышла в коридор, плотно прикрыв за собой дверь.

Уроки закончились. Широкое школьное крыльцо гудело голосами, хлопаньем дверей и звуками застёгивающихся курток. Дети высыпали на улицу, смешиваясь с родителями младшеклассников, ожидающими у нижних ступеней. Ветер стал резче, сгоняя с серого неба остатки туч.

Клим и Лада спускались по главной лестнице. Они почти не разговаривали с того самого момента на уроке литературы.

В кармане Клим коротко и настойчиво завибрировал телефон. В ту же секунду телефон Лады, который она держала в руке, тоже издал звук уведомления. А потом ещё один — у женщины в светлом пальто, стоявшей в двух шагах от них.

Клим достал мобильный. На заблокированном экране висело оповещение из официального информационного канала школы.

Клим смахнул блокировку и открыл текст.

«Уважаемые родители и учащиеся! В связи с произошедшим инцидентом просим временно напомнить детям о недопустимости самостоятельного посещения технических и закрытых зон города. До уточнения обстоятельств школой будут введены дополнительные

меры сопровождения и безопасности. Ситуация находится под контролем. Просьба сохранять спокойствие».

В сообщении не было имени Севы. Не было ни слова о дренажной камере, Дане или полиции. Абсолютно сухой, корректный текст, написанный по всем правилам школьной безопасности.

Но Клим открыл привязанный к каналу общий родительский чат. Сообщения там начали появляться одно за другим, с пугающей скоростью.

«Это про того старшего мальчика?» — спросил кто-то.

«Да. С которым Даня Рудин был внизу», — тут же ответила чья-то мама.

«А что случилось?»

«Говорят, он его там закрыл».

«Какой ужас. Я своему вообще запретила к гаражам ходить».

Клим смотрел на экран, и по спине у него полз холод. Прямо сейчас, на его глазах, история сжималась. Из неё исчезало время, исчезали перекошенные двери, попытки открыть камеру, сбитые в кровь руки и поздние звонки в аварийку. Исчезало всё, кроме одного железобетонного факта, который теперь навсегда приклеивался к имени Севы.

Он его там закрыл.

Лада тоже читала чат, заглядывая в свой телефон. Она подняла глаза на Клима. В её взгляде не было осуждения, только какая-то зябкая неуверенность.

— Это теперь надолго? — спросила она.

Клим убрал телефон в карман.

— Пока разберутся, — ответил он.

Слово «пока» прозвучало жалко. Оно повисло в холодном воздухе и растворилось, не оставив после себя никакой надежды. Клим сам услышал, насколько слабо это звучит. Город уже начал разбираться, и ему для этого не нужны были официальные протоколы.

Они стояли на лестнице перед школой. Вдоль бетонной стены, огибая её по плавной дуге, тянулась тёмная, влажная полоса — вода медленно сочилась из микроскопической трещины на стыке плит.

Клим смотрел, как школьники спускаются мимо неё. Кто-то замечал воду и аккуратно переступал через лужу, стараясь не испачкать обувь. Кто-то шёл напролом, наступая прямо в грязную жижу и не обращая внимания на брызги. Жизнь продолжалась в своём обычном ритме.

В кармане Клима снова вибрировал телефон. Одно короткое уведомление.

Он достал аппарат. На экране светилось личное сообщение от Светланы Игоревны:

«Ты поступил очень честно».

Клим долго смотрел на эти слова. Вокруг шумела Котловина, хлопали двери машин, смеялись младшеклассники.

Он не стал ничего отвечать. Просто нажал кнопку блокировки, и экран погас, оставив в его руке кусок тёмного, холодного стекла.

Глава 6. Неважно

Отец уже знал.

Клим понял это сразу, как только переступил порог квартиры. В прихожей пахло разогретым борщом, мокрыми зонтами и чем-то ещё — тем самым невидимым напряжением, которое всегда появлялось в доме, когда Павел Савин приносил с улицы плохие новости.

Мокрая куртка Клим тяжело повисла на спинке стула у двери. На плите тихо булькала кастрюля, окно на кухне запотело снизу, скрывая огни Котловины, а на подоконнике, над горячей батареей, сохла розовая перчатка Аси.

Павел сидел за столом, в рабочей синей рубашке с логотипом автопарка. У него был часовой перерыв между маршрутами, и он приехал домой поужинать. В этот раз он не смотрел телевизор и не читал новости в телефоне. Он смотрел на руки, сложенные перед пустой тарелкой.

Клим остановился в дверях.

Отец не стал начинать с обвинений или долгих расспросов. В Котловине новости расходились быстрее, чем автобусы по маршрутам. На автобусной площади всегда кто-то что-то слышал, кто-то кому-то передавал.

— Даня как? — коротко спросил Павел, подняв глаза на сына.

— В больнице, — так же коротко ответил Клим, подходя к столу и садясь на своё место. — Руку ушиб, замёрз сильно. Вроде без перелома.

Павел медленно кивнул. Он взял ложку, посмотрел на неё, потом положил обратно.

— Правильно, что сказал взрослым, — глухо произнёс он. — Правильно, что не промолчал.

Для Клим эти слова стали почти физическим облегчением. Не потому, что он нуждался в похвале или хотел почувствовать себя героем. А потому, что отец, человек, который всю жизнь учил его не проходить мимо трещин, только что подтвердил: Клим сделал всё именно так, как было нужно. Мир не развалился. Формула сработала.

Марина стояла у плиты спиной к ним. Она не спорила с мужем. Она просто налила суп в глубокую тарелку, поставила её перед Климом и села напротив.

Она не стала хвалить его за честность.

— Ты видел, как Сева пытался открыть дверь? — спокойно спросила она.

Клим замер с ложкой в руке. Он поднял глаза не сразу.

Павел нахмурился и посмотрел на жену.

— Марин, он ребёнка в камере закрыл.

Она не отвела взгляд от Клим.

— Я знаю.

Повисла тяжёлая, густая пауза. Слышно было только, как на плите тихо шипит вода, сбежавшая из-под крышки на горячий металл.

— Я не спрашиваю, отменяет ли это вину, — продолжила Марина всё тем же ровным голосом диспетчера. — Я спрашиваю, видел ли ты.

Клим сглотнул. Раздражение, которое он весь день пытался затолкнуть поглубже, внезапно вырвалось наружу.

— Неважно, — резко сказал он. — Даня всё равно сидел там. И ему было страшно.

Вот она. Первая точная формула его выбора. Не крик, не попытка оправдаться. Просто усталое, раздражённое убеждение в том, что он имеет право оставить в истории только самое главное.

Павел вздохнул и сцепил пальцы в замок.

— Если бы он сразу думал головой, Даня бы там не сидел, — веско произнёс отец. Это была чистая правда. Клим благодарно посмотрел на отца.

Марина не стала давить. Она не пыталась выиграть спор или прочитать нотацию о морали. Она просто видела в рассказе сына незакрытый край и понимала, что этот край рано или поздно начнёт резать.

— Может, это и не меняет его вины, — ответила она, глядя на Клим. — Но я не уверена, что это не меняет твоего рассказа.

Клим почувствовал, как внутри всё сжимается от злости. Ему казалось, что мать специально пытается сделать Севу — виновника — главным предметом их разговора, забывая про Даню.

— Я не обязан его защищать! — почти выкрикнул он.

— Я не просила защищать, — тихо сказала Марина.

Ася, которая всё это время сидела за краем стола и молча рисовала на обратной стороне какого-то школьного бланка, вдруг подняла голову.

— А он теперь по нашей лестнице ходить может? — спросила она.

Все трое посмотрели на неё. В её голосе не было страха, только обычное детское любопытство к новым правилам.

Павел ответил первым, слишком быстро:

— Пока лучше не надо. Если увидишь — обойди.

Клим опустил взгляд в тарелку. Он заметил, как легко и буднично это отцовское «лучше не надо» превратило обычный маршрут, по которому ходили сотни людей, в запретную зону имени одного человека. Клим стало неприятно, но он пока не мог назвать причину этого чувства.

На столе коротко и сухо завибрировал телефон Павла.

Отец взял аппарат, прочитал сообщение на заблокированном экране и тяжело вздохнул, хмуря брови.

— Уже по автобусным диспетчерским гоняют, — сказал он, убирая телефон в карман. — «Не пускать детей младшего возраста на нижние остановки без сопровождения».

Клим перестал жевать. Он понял: история больше не принадлежала только школе или Вере Аркадьевне. Она вышла за двери кабинета и начала растекаться по городу, заполняя собой чаты, маршруты и чужие страхи.

Поздним вечером площадка у продуктового магазина между Средними уступами и Низом казалась особенно неудобной. Холодный белый свет от вывески «Продукты» падал на мокрый асфальт. У переполненной урны блестели под дождём разорванные пластиковые пакеты, а вода медленно собиралась у бордюра, стекая в забитый листьями сток.

Лада подошла со стороны своего двора. Она молча протянула Климу общую тетрадь по геометрии, которую он забыл на парте после шестого урока.

— Держи, — сказала она, пряча озябшие руки обратно в карманы куртки.

— Спасибо.

Формально они встретились на минуту, чтобы передать тетрадь. На деле оба знали, что не разойдутся сразу.

— У нас Светлана Игоревна сегодня вообще никого в коридор на переменах не выпускала, — заговорила Лада, глядя на проезжающую мимо машину. — Сказала, сквозняки. А в классе уже все только про это и говорят. Ирка из параллельного клянётся, что Сева специально оставил Даню до ночи, чтобы тот в воде сидел.

Клим нахмурился.

— Никто не знает, что он специально.

Лада перевела взгляд на него. В холодном свете вывески её лицо казалось бледнее обычного.

— Ты же сам сказал Вере Аркадьевне, что он его закрыл.

— Я сказал, что видел.

— А всё сказал?

Клим промолчал. Он крепче сжал в руке тетрадь, так что картонная обложка слегка хрустнула.

Лада не смотрела на него как мудрый судья. Она сама боялась этой темы, и слова подбирала неровно, с запинками, словно ступая по тонкому льду.

— Ты видел, что он пытался открыть, — тихо сказала она. — Я слышала, как он тебе у камеры говорил. Про прут. И про то, что звонил.

— Он Даню закрыл, — упрямо, как заученный урок, повторил Клим.

— Я знаю.

— Тогда что ты от меня хочешь?

— Не знаю, — Лада передёрнула плечами, отводя взгляд. — Наверное... чтобы ты не говорил потом, что рассказал всё.

Эта реплика ударила не красиво, а больно и точно. Клим почувствовал, как кровь приливает к лицу. Ему показалось, что Лада обвиняет его в трусости, в том, что он не вступился за того, кого сейчас обсуждает вся школа.

Он ответил гораздо жёстче, чем хотел.

— Я не собираюсь делать из него хорошего только потому, что он потом с прутком обратно полез.

— Я тоже не собираюсь, — ровно ответила Лада.

Она замолчала на пару секунд. С козырька магазина сорвалась крупная капля и звонко ударилась о лужу.

— Но у тебя почему-то есть только два варианта, — добавила она. — Или он хороший, или можно вообще всё остальное выкинуть.

Клим не нашёл, что ответить. Злость душила его, смешиваясь с острым, неприятным чувством, что Лада видит его насквозь — видит тот самый момент в кабинете завуча, когда он сознательно обрезал историю.

Он сунул тетрадь за пазуху, чтобы не намокла.

— Пока, — бросил Клим и развернулся, не дожидаясь ответа.

Он уходил быстро. Не потому, что победил в споре и поставил точку. А потому, что просто не выдержал её взгляда.

Дорога к дому вела вдоль старой подпорной стены. Клим шёл, глядя под ноги, стараясь выровнять дыхание. Впереди показался тот самый поворот к служебному проходу Низа.

Клим поднял голову. У старой решётчатой калитки, в сырой темноте, горел яркий жёлтый свет строительного фонаря. Оттуда доносился резкий металлический скрежет.

Там кто-то был. Кто-то работал с металлом. Клим замедлил шаг и присмотрелся: в круге света, сидя на корточках перед перекошенной створкой, возился Глеб.

Служебная калитка у технического прохода выглядела иначе, чем вчера.

Старую выцветшую ленту никто не снял, но теперь поверх неё крест-накрест висела новая, яркая. Саму створку временно стянули с косяком толстой металлической цепью со свежей свинцовой пломбой. Прямо на ржавые прутья кто-то неровно приклеил широкий лист бумаги в файле, на котором жирным чёрным маркером было выведено: «ПРОХОД ЗАПРЕЩЁН».

Клим хотел просто пройти мимо. Ускорить шаг и скрыться за поворотом к своему двору.

Но у калитки работал Глеб. В свете жёлтого строительного фонаря, поставленного прямо на мокрый асфальт, он возился с нижней петлёй. Видимо, аварийная служба или дом управления наняли его укрепить перекошенную раму, чтобы никто не смог вырвать её из бетона до капитального ремонта.

Глеб не пытался остановить Клим специально. Он не преграждал дорогу. Он просто повернул голову на звук шагов и, не переставая накручивать гайку разводным ключом, коротко спросил:

— Ты был там?

Клим остановился.

— Был.

— До взрослых?

— Да.

Глеб кивнул. Металл тихо скрипнул под нажимом ключа. Взрослый мужчина не стал спрашивать, кто виноват, не стал вздыхать о жестокости подростков или делать вид, что знает всё лучше других. Он задал один простой вопрос.

— Когда ты его увидел, Сева что делал?

Клим почувствовал, как мышцы спины непроизвольно напряглись.

— Пытался открыть, — ответил он.

Глеб перестал крутить ключ. Он опустил руку с инструментом на колено и посмотрел на Клим.

— Это ты Вере сказал?

— Нет.

— Почему?

Клим сжал челюсти. Раздражение, которое только что всколыхнула в нём Лада, вспыхнуло с новой силой. Почему они все прицепились к этой детали? Почему они делают из неё центр истории?

— Неважно, — резко и твёрдо сказал Клим. — Он Даню запер.

Глеб не стал с этим спорить.

— Да, — ровно согласился он. — Запер.

Он снова поднёс ключ к петле, подтянул гайку до упора и с силой дёрнул калитку на себя, проверяя, как ходит металл в раме. Калитка глухо лязгнула, но не поддавалась.

— Я не спросил, виноват ли он, — произнёс Глеб без всякой позы, почти устало, убирая инструмент в сумку. — Я спросил, что было.

Клим шагнул ближе к свету фонаря.

— Вы вообще кто, чтобы спрашивать?

— Никто, — Глеб поднялся с корточек, отряхивая колени. — Но если ты видел, как он пытался открыть, и решил выкинуть это из рассказа, не говори потом, что рассказал всё.

Клим задохнулся от возмущения. Ему казалось, что этот человек с грязными руками сейчас обесценивает самое важное — безопасность Дани.

— А если бы Дани там умер?! — зло бросил Клим, почти срываясь на крик. — Тогда тоже надо было бы про его прут рассказывать?! Чтобы пожалели?!

Глеб впервые посмотрел Климу прямо в лицо. В его взгляде не было ни превосходства, ни насмешки. Только тяжёлое, глубокое знание того, как устроены такие истории.

— Тогда особенно надо было бы, — тихо и чётко сказал Глеб. — Не вместо того, что он сделал. *Вместе.*

Клим не нашёл ответа. Слова застряли в горле. Впервые с момента спасения взрослый человек не хвалил его за честность и не обвинял прямо, а просто отказался принять его неполную версию как истину. Это бесило сильнее, чем если бы Глеб прямо назвал его лжецом.

Глеб отвёл взгляд. Он наклонился за фонарём и вдруг замер, уставившись на основание подпорной стены.

Клим проследил за его взглядом. Там, у самого асфальта, тянулась тонкая, блестящая в жёлтом свете полоса воды. Она сочилась прямо из-под нижнего шва, выталкивая на поверхность серую бетонную пыль.

Глеб провёл по мокрой полосе большим пальцем. Растёр влагу.

— Рано ещё для такой воды, — произнёс он. Не Клим. Самому себе.

Клим не стал спрашивать, что это значит. Он просто хотел уйти отсюда как можно быстрее.

Глеб поднял фонарь, забросил сумку на плечо и посмотрел на закрытую калитку с новой цепью.

— Завтра здесь уже ленту поставят по-настоящему, — сказал он в пустоту двора. — И люди будут думать, что лента всё объясняет.

Клим развернулся и быстро пошёл к своему подъезду, стараясь не слышать этих слов.

Дождь снова начался ближе к ночи. Мелкие, колющие капли сухо стучали по стеклу, сливаясь в монотонный, убаюкивающий шум. За стеной, на кухне, негромко переговаривались родители.

Клим сидел за столом в своей комнате. Перед ним лежал открытый задачник по алгебре, в тетради было записано «Дано», но за последние двадцать минут он не продвинулся ни на строчку.

Телефон лежал на кровати, брошенный на подушку. Экран то и дело вспыхивал в полутьме, освещая часть одеяла, и аппарат коротко, глухо вибрировал о ткань.

Клим отложил ручку, подошёл к кровати и взял телефон.

В главном информационном канале школы появилось уточнённое вечернее сообщение. Официально оно всё ещё звучало предельно осторожно:

«Уважаемые родители! До завершения первичной проверки обстоятельств вчерашнего инцидента учащимся младших классов рекомендовано пользоваться только безопасными маршрутами сопровождения. Просим вас обсудить с детьми правила посещения технических зон и сообщать в школу о любых потенциально опасных участках».

Ни имени Севы. Ни обвинений. Никаких подробностей о камере.

Но Клим открыл чат своего класса, куда родители и ученики писали вместе. Там уже вовсю работала бытовая переработка информации. Нина Сергеевна, председатель родительского комитета и мама девочки из седьмого, написала длинное сообщение:

«Коллеги, прошу без домыслов и пересылок в другие группы. Но, пожалуйста, предупредите детей: пока ситуация не прояснится, лучше не оставаться наедине с Севой Мартыновым и не ходить с ним в сторону нижних проходов. Мы никого не обвиняем, но безопасность важнее».

Она написала это не из злобы. Нина Сергеевна не призывала никого травить или бить. Она просто искренне, по-настоящему боялась за детей. И от этого её слова работали в сто раз эффективнее любого крика.

Под её сообщением чат мгновенно взорвался ответами.

«Спасибо, что предупредили. Я своему вообще запретил к Низу спускаться».

«Моя дочь говорит, он ещё вчера там крутился, всё высматривал».

«Главное, чтобы больше никто не пострадал. Ребёнок же в больнице!»

«А с ним вообще разговаривать можно, если он в школе появится?»

«Пожалуйста, не добавляйте непроверенного, ждём решения директора».

Клим листал ленту вниз, чувствуя, как холодеют пальцы. Он видел, как частная, сложная, рваная история прямо сейчас на его экране превращается в городской механизм. В чёткую инструкцию. В предупреждение, которое уже никто не сможет забрать обратно.

Дверь в комнату тихонько скрипнула и приоткрылась. В щёлку заглянула Ася. Она уже была в пижаме, с распущенными после душа волосами.

— Спишь? — шёпотом спросила она.

— Нет. Заходи, — Клим опустил телефон.

Ася прошлёпала босыми ногами по ковру и остановилась у стола.

— Мама сказала, завтра мне по нижней лестнице нельзя ходить, — произнесла она, глядя на брата. — И послезавтра тоже.

— Почему?

— Не знаю. Сказала, обходить по верхнему двору. — Ася почесала нос. — Это потому, что там Сева может быть? Я слышала, как папа говорил.

Клим почувствовал, как внутри всё стянуло тугим узлом.

— Там лестницу проверяют, — ровно ответил он. — Я же тебе говорил, ступенька сломалась. Завтра День Трещины, всё будут осматривать.

Ася серьёзно посмотрела на него.

— А Сева тоже проверяет? — спросила она.

Клим открыл рот, но не нашёл, что ответить. Детский вопрос прозвучал без всякого двойного дна, но попал в самую болевую точку.

— Иди спать, Ась, — тихо сказал он. — Поздно уже.

Она кивнула, поправила край пижамы и вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

Клим остался один. Он посмотрел на телефон в своей руке. Экран снова загорелся от нового десятка сообщений в родительском чате.

Клим перевернул телефон экраном вниз и положил его на матрас.

Свет исчез, комната погрузилась в полумрак. Только дождь стучал по жестяному козырьку за окном. Но телефон продолжал вибрировать. Глухие, ритмичные удары передавались через пружины матраса, и Клим чувствовал их даже стоя рядом с кроватью.

Он слушал эту вибрацию, не видя текста. И впервые по-настоящему, до ледяной дрожи понял: история уже отделилась от него. Она двинулась сама по себе, втапывая в асфальт всё, что он решил оставить на «потом».

Глава 7. Предупреждение

Утром нижнюю лестницу перекрыли жёлтой лентой.

Клим увидел это, когда они с Асей спускались со своего двора. Вчера здесь висела тонкая красно-белая полоса, которую можно было легко сдвинуть. Сегодня муниципальщики натянули плотный жёлтый пластик в три ряда, наглухо перекрыв пролёт между стеной и сломанными перилами. На верхнем ряду ленты болтался прикреплённый скотчем прозрачный файл с бумажным листом:

«ПРОХОД ВРЕМЕННО ЗАКРЫТ.

ОБХОД — ПО ВЕРХНЕМУ МАРШРУТУ».

— Опять обходить, — недовольно протянула Ася, плотнее запахивая куртку. Ветер на площадке был резким и холодным. — Мы теперь каждый день будем крюк давать?

— Пока не починят — будем, — ответил Клим.

Он посмотрел на ленту. Жёлтый пластик дрожал под ветром, на нём собирались мелкие капли влаги. Один конец ленты был туго обмотан вокруг трубы, уходящей в бетон. Под ней, у самого основания подпорной стены, всё ещё темнела тонкая полоса воды. Она сочилась из шва между плитами, медленно намывая на асфальт рыжую глину.

Никто её не вытер. Никто не замазал. Лента просто отгородила это место от маршрута.

Ася тоже посмотрела на закрытый пролёт.

— Это из-за Дани? — спросила она.

Клим перевёл взгляд на сестру. Детский мозг уже выстраивал свои причинно-следственные связи: Даня пропал на лестнице — лестницу закрыли.

— Это из-за того, что там опасно, — сказал он.

Клим попытался отделить в её голове технический риск от конкретного человека. Ему казалось, что это правильно. Но он сам пока не был до конца уверен, во что верит больше: в то, что опасна сломанная ступень, или в то, что опасен тот, кто спускается мимо неё к техническим калиткам.

Павел, который сегодня выходил на смену позже обычного, спустился следом за ними, чтобы довести Асю до верхней остановки. Он подошёл к перекрытой площадке, окинул взглядом жёлтую ленту и удовлетворённо кивнул.

— Вот так и надо, — сказал отец, поправляя воротник куртки. — Заметили — сразу закрыли. Пока не проверили — никто не ходит.

Клим кивнул. Ему было спокойно от этих слов.

— Особенно после того, что случилось, — добавил Павел, глядя куда-то поверх ленты, в сторону спуска к Низу.

И здесь Клим почувствовал лёгкий укол. Отец говорил о закрытой лестнице? Или о том, что случилось с Даней? Эта граница уже начала стираться. Опасность места и опасность человека сливались в одну общую, липкую тревогу.

— Пап, мы опаздываем, — дёрнула отца за руку Ася.

Они двинулись по длинному маршруту, поднимаясь к Верху. Клим шёл чуть позади. Нагоняя их у следующего поворота, он увидел, как у жёлтой ленты остановились два младших мальчика из соседнего двора.

Они не пытались перелезть. Они стояли на почтительном расстоянии.

Один из них ткнул пальцем в сторону закрытой лестницы и авторитетно сказал второму:

— Там теперь тот, который детей запирает.

Клим резко остановился и обернулся.

Но мальчишки уже побежали дальше, звонко шлёпая по лужам. На пустой площадке осталась только жёлтая лента и тёмная полоса воды под бетонной стеной.

В школьном холле было шумно. Дети стряхивали воду с зонтов, переобувались, толкались у турникетов. Но возле столика дежурной вахтёрши образовалась странная, тихая зона.

Там стояла обычная картонная коробка из-под офисной бумаги. К ней был скотчем приклеен белый лист:

«ДЛЯ СЕМЬИ РУДИНЫХ. НЕОБХОДИМОЕ».

Рядом лежал короткий напечатанный список: лекарства от простуды, тёплые носки, деньги на такси до больницы, чай.

Возле коробки стояла Нина Сергеевна Гривина, председатель общешкольного родительского комитета. Она была женщиной быстрой, собранной, в строгом сером пальто. Она не делала из сбора трагического шоу. Просто аккуратно складывала принесённые вещи, сортировала упаковки и тихо переговаривалась с подошедшей мамой кого-то из младшекласников.

Клим и Лада остановились неподалёку, расстёгивая куртки.

— Я в чате читала, что там всё совсем страшно было, — горячо зашептала женщина в пуховике, протягивая Нине Сергеевне пакет с лекарствами. — Может, написать всем, чтобы дети Дане сообщения поддержки отправили? Мы же всё знаем, мы с ним.

— Нет, пожалуйста, не надо писать в чат, что вы «всё знаете», — Нина Сергеевна взяла пакет и убрала его в коробку. Её голос звучал ровно, но очень твёрдо. — И детям скажите, чтобы не забрасывали Даню сообщениями. Семье сейчас не до ответов на сочувствие. Если хотите помочь — помогите. Если хотите обсудить — не от имени Дани.

Женщина смутилась и закивала. Нина Сергеевна действовала правильно. Она защищала Рудиных от того, чтобы их беда превратилась в школьный сериал. Клим смотрел на неё и чувствовал уважение. В её действиях была настоящая, деятельная забота.

К столику подошёл мужчина, чей сын учился в параллельном классе.

— Нина Сергеевна, — негромко спросил он, оглядываясь на детей у раздевалки. — А своим-то что говорить? Они же всё равно спрашивают, почему маршруты закрывают.

Нина Сергеевна устало потёрла лоб. Она не выглядела злой или мстительной. Она выглядела как мать, которая очень боится за чужих и своих детей.

— Что пока не надо ходить в Низ без взрослых, — тихо ответила она. — И не надо оставаться с Севой наедине.

Она не повышала голоса, но в гулком холле эти слова прозвучали чётко. И Клим понял, что к вечеру эту фразу повторят за десятками кухонных столов.

Лада, стоявшая рядом с Климом, перекинула рюкзак через плечо.

— Она правильно говорит, — едва слышно произнесла Лада, глядя на коробку.

— Да, — кивнул Клим.

— Вот именно.

В этом коротком диалоге не было лишних слов, но Клим почувствовал, как по спине пробежал холодок. Лада уловила то же самое, что и он: самое страшное было в том, что Нина Сергеевна действительно говорила разумные вещи.

Из коридора первого этажа вышла Светлана Игоревна. Она окинула взглядом толпящихся у вахты учеников, которые с любопытством вытягивали шеи, пытаясь рассмотреть содержимое коробки для Рудиных.

— Клим, Лада, и все остальные, — громко сказала учительница, хлопнув в ладоши. — Не задерживаемся. Переобулись — и сразу в классы. Не нужно здесь стоять.

Она не была холодной. Она просто не хотела, чтобы чужая беда становилась зрелищем для зевак. Клим подхватил рюкзак и пошёл к лестнице. Внутри у него было странное, двойное

чувство. Он видел, как город сплачивается, как люди умеют быть добрыми и полезными. На фоне этой реальной помощи его вчерашняя тревога о Севе казалась мелкой и неправильной. Даня не один, его защищают. А значит, всё идёт как надо.

Они поднялись на второй этаж. Возле кабинета математики на пробковой доске уже висел свежий, пахнувший типографской краской лист: «Список временно закрытых маршрутов». Ниже перечислялись лестницы и калитки, оцепленные жёлтой лентой.

А в самом низу, мелким жирным шрифтом, была набрана строчка:

«При обнаружении опасного участка немедленно сообщить классному руководителю или ответственному взрослому».

Клим остановился и долго смотрел на эту строчку. Его взгляд зацепился за слово «обнаружении». Раньше оно означало только одно: найти трещину, поломку, прорванную трубу. Вещь.

Теперь он не был уверен, что это слово не относится к людям.

На большой перемене коридор возле спортивных раздевалок гудел от голосов. Класс переводили на физкультуру в другой корпус, и у скамеек стояла суета. Пахло пылью, резиновыми подошвами и дешёвым дезодорантом, которым кто-то щедро набрызгался прямо поверх футболки.

Клим доставал из мешка кроссовки, когда услышал разговор. Двое ребят из параллельного класса сидели на широком подоконнике и переодевались, болтая буднично и ровно — так обсуждают сложную домашку или погоду.

— Он теперь вообще сюда ходит? — спросил один, стягивая с ноги ботинок.

— Не знаю, — ответил второй. — Мама сказала, если увижу его в коридоре, чтобы не подходил и сразу шёл к учителю.

— А он правда Даню в трубе держал?

— Ну да. Его же там нашли.

Клим замер с кроссовком в руке. Фраза резанула слух. Не «заклинило дверь», не «запер в камере».

«Держал в трубе».

Слова сжались, спрессовались, выкинули из себя всё лишнее и превратились в один жуткий, монолитный образ.

— Это не так было, — Клим выпрямился и шагнул к подоконнику.

Парни замолчали и посмотрели на него. В их взглядах не было ни агрессии, ни страха. Скорее простое любопытство — все знали, что Клим был там до приезда скорой.

— А как? — спросил первый, замирая со шнурком в пальцах.

Клим открыл рот. Ему нужно было просто поправить их, вернуть истории реальные очертания. Но как только он попытался сформулировать ответ, он столкнулся с невидимой стеной. Чтобы разрушить образ «человека, который держит детей в трубе», ему пришлось бы рассказать, что Сева пытался открыть дверь. А значит — вытащить на свет Третий Факт, который он сам же вчера отсёк в кабинете завуча.

Он не смог.

— Его нашли в технической дренажной камере, — деревянным голосом произнёс Клим. — Там просто железная дверь. Это не труба.

Парни переглянулись.

— Ну, в камере, — пожал плечами второй, забрасывая ботинки в мешок. — Какая разница.

Они спрыгнули с подоконника и пошли к выходу на лестницу, потеряв к Климу интерес. Для них разница действительно ничего не меняла. Деталь с дверью не отменяла главного — Сева был угрозой.

Клим смотрел им вслед. Он впервые физически ощутил: исправить один ложный штрих уже недостаточно. История больше не держалась на фактах. Она держалась на готовом образе.

Лада стояла у стены рядом. Она не вмешивалась в спор, не подсказывала и не защищала Клим. Она затянула шнурок на своей спортивной сумке и, когда парни скрылись за дверью, тихо сказала:

— Видишь?

— Что? — Клим раздражённо бросил кроссовок на пол.

— Ты хотел, чтобы все знали, что случилось. Теперь знают.

Это не было обвинением или насмешкой. Просто безжалостная констатация факта. И от этой простоты Климу стало по-настоящему дурно. Чем короче становилась история в устах других людей, тем труднее было ей противостоять.

Он отвернулся от Лады и посмотрел в окно.

С высоты второго этажа был отлично виден мокрый школьный двор. Вдоль чугунной ограды, обходя лужи на асфальте, быстро шёл Сева Мартынов.

Он шёл один, засунув руки глубоко в карманы куртки. Но в двух шагах позади него, не отставая ни на метр, шагал взрослый мужчина — школьный социальный педагог.

Уроки закончились. Школьный двор постепенно пустел, хотя у чугунных ворот всё ещё толпились родители, ожидающие младшекласников. Дождя не было, но асфальт оставался тёмным и влажным. На чёрной металлической ограде трепался на ветру свежий белый лист — объявление с распределением участков на завтрашний День Трещины.

Клим спустился с крыльца, застёгивая куртку. Он хотел просто дойти до дома, пообедать и ни о чём не думать, но на полпути к воротам невольно замедлил шаг. Лада, шедшая чуть впереди, тоже остановилась.

Из дверей школы вышел Сева.

Он не был в наручниках. Его не окружала охрана, на него не кричали. Сева просто шёл к выходу. Но рядом с ним, шаг в шаг, двигался взрослый мужчина — школьный социальный педагог. Мужчина не держал его за руку и не подгонял. Он просто сопровождал его до ворот, чтобы передать с рук на руки отцу или убедиться, что Сева уйдёт домой, нигде не задерживаясь.

Это было первое практическое Отведение. Формальная мера безопасности.

Но для окружающих это выглядело как клеймо.

Несколько родителей у ворот, увидев эту пару, замолчали. Женщина в светлом плаще, стоявшая у самой калитки, сделала шаг назад и как бы невзначай притянула к себе дочку с розовым рюкзаком, положив ладонь ей на плечо. Движение было коротким, почти незаметным, но в нём читался рефлексорный, животный страх.

Сева это заметил. Он не сбавил шаг, не опустил голову и ничего не сказал. Только глубже засунул руки в карманы куртки и чуть ссутулился, словно готовясь к удару.

Клим смотрел на это, и внутри у него стягивался тяжёлый, холодный узел.

— Это временно, — раздался спокойный голос рядом.

Клим обернулся. Вера Аркадьевна стояла в двух шагах от него, на нижней ступеньке крыльца. Она смотрела вслед уходящему Севе.

— Пока идёт проверка, ему лучше не быть одному на территории школы и двора, — добавила она.

Она не оправдывалась перед Климом и не просила его одобрения. Завуч по безопасности просто констатировала факт. Мера была введена, она работала, ребёнок был под присмотром.

Клим кивнул. Мозгом он понимал: после того, что сделал Сева в дренажной камере, эта мера не была бессмысленной. Оставлять его без контроля было бы странно. Но смотреть на это вживую оказалось невыносимо тяжело.

Сева больше не шёл по школьному двору как обычный девятиклассник. Он шёл как человек, который сам по себе является угрозой, и рядом с которым должен находиться взрослый предохранитель.

Клим впервые почувствовал, что это Отведение похоже не на защиту Дани, а на совершенно новую форму жизни для самого Севы. Жизни, где каждое его движение теперь будет рассматриваться через лупу. Но он не мог сказать это вслух, даже самому себе. Ведь тогда пришлось бы признать, что именно его неполный рассказ запустил этот механизм.

У самых ворот Сева вдруг остановился.

Он обернулся. Поверх голов младшеклассников и родителей его взгляд безошибочно нашёл Клима. Сева смотрел не с ненавистью и не с мольбой. В его тёмных глазах застыл один молчаливый, тяжёлый вопрос. Будто он проверял: *«Ты тоже думаешь, что это нормально?»*

Клим не выдержал. Он отвёл взгляд первым.

Вечер принёс с собой густую сырость, от которой не спасала даже плотная куртка. В подъезде Савиных пахло мокрой штукатуркой и подвальной сыростью. Тусклая лампочка на первом этаже гудела, бросая жёлтый свет на истёртые бетонные ступени.

Клим открыл тяжёлую металлическую дверь и отряхнул кроссовки о решётку. На площадке между первым и вторым этажами, свесившись через перила, его ждала Ася. Она недавно вернулась от соседки, с которой мама договорилась оставлять её до вечера.

В руке Ася держала сложенный вдвое белый лист бумаги.

— Смотри, — сказала она, когда Клим поднялся к ней. Она развернула лист. — Нам в школе раздали. Сказали дома с родителями прочитать.

Клим взял бумагу. Это была стандартная школьная памятка — маршрут безопасного обхода. Ниже шёл список обычных правил, набранный крупным шрифтом:

«Не ходить по закрытым зонам».

«Не заходить в технические проходы».

«Не оставаться одному в потенциально опасных местах».

«Сообщать взрослым о свежих трещинах и воде».

В тексте не было ни одного имени. Ни слова про Даню, дренажную камеру или Севу. Обычная инструкция по безопасности, какие раздавали каждый год перед Днём Трещины.

— Нам сказали, если кто-то идёт один по Низу, надо сразу взрослому сказать, — серьёзно произнесла Ася, забирая лист обратно.

Клим кивнул.

— Правильно сказали. Туда вообще одним ходить не надо.

Ася аккуратно сложила бумагу по сгибу.

— А если он идёт один?

Клим не сразу понял.

— Кто?

— Сева, — просто ответила она.

Клим замер. Его рука, лежавшая на холодных деревянных перилах, напряглась. В памятке не было имени, но город уже сделал так, что даже девятилетний ребёнок безошибочно вписал это имя между строк.

Ася посмотрела на него снизу вверх. В её глазах не было паники. Это был чисто практический вопрос человека, который хочет понять, как теперь устроены правила её мира.

— Он теперь опасный всегда? — спросила она.

Это не был философский вопрос. Она просто хотела знать, нужно ли ей теперь убегать и прятаться, если она увидит мальчика, который вчера спокойно чинил чей-то велосипед у гаражей.

Клим должен был ответить правильно. Он должен был сказать: «Нет, Ася, опасны только технические зоны». Но перед глазами вдруг встала перекошенная железная дверь, ржавая вода и белый от ужаса Даня.

— Я не знаю, — глухо ответил Клим. — Но если он рядом и тебе страшно... иди к взрослым. Отойди в сторону.

Ася нахмурилась, обдумывая эти слова.

— А если мне не страшно?

— Всё равно, — слишком быстро, почти резко бросил Клим.

Слово вылетело само. И только секунду спустя, когда оно уже ударилось о бетонные стены подъезда, Клим понял, *что* именно он сейчас сказал.

Он не назвал Севу чудовищем. Он не сказал, что тот ест детей. Но он только что передал своей младшей сестре готовую Печать. Он дал правилу жить без фактов. Он научил её бояться не того, что человек делает, а того, кем этот человек назначен.

Ася послушно кивнула. Она сунула сложенную памятку в карман и стала подниматься по ступеням к их квартире.

Клим пошёл следом. На площадке между этажами, прямо на стене, висело старое объявление о проверке вентиляции. От постоянной сырости, тянувшейся из подвала, угол бумаги размок, пожелтел и скрутился в трубочку.

Ася шла впереди, крепко держась за перила маленькой ладонью. Клим смотрел на её руку, на то, как она уверенно переступает по скользкому бетону, защищённая его советами. Внутри него больше не было чувства, что он хороший и надёжный старший брат. Вместо этого в груди разливалась холодная, давящая тяжесть от собственных слов, которые он уже никогда не сможет забрать обратно.

Глава 8. Тот, кто запирает детей

Севу Клим увидел раньше, чем понял, почему на лестнице стало тихо.

Это не была какая-то звенящая, киношная тишина. Школьный двор продолжал жить своей обычной послеобеденной жизнью: у турников перекрикивались пятиклассники, со стороны столовой глухо звенела разгружаемая посуда, а на площади тяжело тормозил жёлтый рейсовый автобус. Но здесь, возле бокового входа в школу, люди вдруг перестали разговаривать в полный голос.

После ночного дождя асфальт уже подсох, но у бордюров всё ещё стояли мутные полосы воды. На чугунной ограде трепался под ветром свежий белый лист — объявление о временно закрытых маршрутах.

Клим стоял у крыльца, ожидая Асю, у которой только что закончился кружок рисования. Лада стояла рядом, копаясь в рюкзаке.

Дверь бокового входа открылась. На крыльцо вышла Вера Аркадьевна, а следом за ней — Сева со своим отцом.

Отец Севы был высоким, сутулым мужчиной в поношенной синей рабочей куртке. На его рукавах и штанинах белели въевшиеся следы от старой извести. Он не держал сына за плечо, не дёргал его и не пытался как-то прикрыть. Он просто шёл рядом, глядя под ноги усталым, тяжёлым взглядом.

Они пришли забрать учебники, спортивную форму и вещи из шкафчика. Формально Севе разрешили сделать это после уроков, когда основная масса детей уже разошлась.

— Забираете вещи и сразу выходите через этот же вход, — ровно и спокойно сказала Вера Аркадьевна, придерживая тяжёлую дверь. — Если что-то забудете в классе, сообщите охране, вам принесут отдельно. По школе ходить не нужно.

Сева кивнул. Он не стал спорить, не скривил губы, не попросил разрешения зайти к кому-то из учителей. По этому короткому кивку Клим понял самое страшное: Сева уже принял новые правила. Он знал, что привычного школьного дня у него больше нет.

Они втроём скрылись за дверью.

Клим перевёл взгляд на площадку перед лестницей. Там стояли несколько родителей, ожидавших младших детей.

Никто из них не стал кричать вслед Севе. Никто не назвал его «чудовищем» или «преступником». Но женщина в сером плаще, стоявшая ближе всех к боковому входу, не делая никаких резких движений, просто положила ладонь на плечо своей маленькой дочери и плавно перевела её на другую сторону дорожки, подальше от крыльца. Мужчина в строгом костюме, громко говоривший по телефону, вдруг замолчал на полуслове и неотрывно следил глазами за тем, как за Севой закрывается дверь.

Двор действовал так, будто угроза теперь имела конкретное лицо, вес и плотность.

Сначала Клим подумал: *«После того, что случилось с Даней, это понятно»*.

Но затем, глядя на пустую дорожку, с которой только что сошли люди, он почувствовал странный укол. Сева шёл не один. Он шёл с отцом и завучем по безопасности. Он ни к кому не подходил, ни на кого не смотрел. И всё равно люди отступали, словно от прокажённого. Впервые это вызвало у Клина не тревогу за безопасность, а глухую, липкую неловкость.

Из главных дверей выбежала Ася, на ходу застёгивая куртку. Она подбежала к Климу и Ладе, но вдруг остановилась, посмотрев в сторону бокового крыльца, куда всё ещё косились взрослые.

— Это он? — шёпотом спросила Ася, дёрнув Клина за рукав.

— Да, — так же тихо ответил Клим.

Ася нахмурилась, глядя на закрытую дверь.

— А почему с ним взрослые?

Клим открыл рот, но не успел ответить.

Стеклянная створка боковой двери приоткрылась. На крыльцо вышел Сева.

Он был один. В руке он сжимал пластиковый пакет со сменкой, на плече висел полупустой рюкзак. Его отец и Вера Аркадьевна задержались внутри, видимо, оформляя какие-то бумаги на охране. Сева остановился на верхней ступеньке, ожидая их.

Мимо Клим и Аси быстро прошли двое мальчишек из начальной школы. Они громко спорили о какой-то игре, размахивая мешками для обуви. Вдруг один из них замер, дёрнул второго за рукав и кивнул в сторону бокового крыльца.

— Это он, — сказал мальчик. — Тот, кто запирает детей.

Фраза прозвучала не громко. В ней не было ни крика, ни издёвки. Просто будничная констатация факта. Но в прохладном, влажном воздухе школьного двора эти слова разнеслись удивительно чётко.

Мать этих мальчиков, стоявшая в паре метров с раскрытым зонтом-тростью, мгновенно шагнула к ним.

— Не говори так, — одёрнула она сына.

Она сказала это не потому, что считала фразу злой или несправедливой. В её голосе билась чистая, инстинктивная тревога. Она просто не хотела, чтобы её ребёнок произносил это вслух рядом с *ним*. Ей нужно было защитить своих детей прямо сейчас.

— Идите ко мне, — добавила она тише, быстро беря обоих за руки и уводя по дорожке в сторону главных ворот.

Сева всё слышал. Он стоял на крыльце, сжимая ручки пакета так, что побелели костяшки. Он не посмотрел вслед мальчишкам. Не посмотрел на их мать. Он опустил голову и неотрывно смотрел на мокрый асфальт у носков своих ботинок.

В этот момент Клим увидел, как имя исчезает. Исчезает человек, который умел чинить велосипеды, грубить учителям и вскрывать старые замки. Вместо него остаётся только готовая, монолитная функция: *тот, кто запирает детей*.

Клим дёрнулся. Ему нестерпимо захотелось шагнуть вперёд, остановить эту женщину и сказать: «Это не так было. Он запер Даню. В дренажной камере. Он не охотится на младших».

Но он понял: эта поправка ничего не решит. Потому что вслед за ней мальчишки или их мать спросят: «А какая разница?» И тогда Климу придётся добавить то, что он скрыл. Придётся рассказать, что Сева не бросил Даню, что он рвал руки о железо, пытаясь открыть заклинившую створку. Что он не монстр из детских страшилок.

Клим промолчал. И в этом молчании он впервые почувствовал себя полноправным соучастником того, что сейчас происходило со стоящим на крыльце человеком.

Лада, стоявшая чуть в стороне, подошла ближе. Она не стала говорить, что он должен был вмешаться или что-то исправить. Она проследила за взглядом Клим, направленным на фигуру Севы, и негромко спросила:

— Ты хотел, чтобы так получилось?

Клим стиснул зубы.

— Я хотел, чтобы Даня был в безопасности, — резко ответил он.

Лада посмотрела на него.

— А это одно и то же?

Клим не ответил. Он не знал, как разделить эти две вещи: защиту Дани и превращение Севы в вечное городское предупреждение.

Сзади хлопнула дверь. На крыльцо вышел отец Севы. Он коротко кивнул сыну, и они вместе начали спускаться по ступеням, направляясь к выходу со двора.

В этот момент маленькая девочка с розовой папкой для рисования, бежавшая наперерез к воротам, наступила прямо на мокрую, намытую глиной полосу у основания боковой лестницы. Нога в резиновом сапожке резко поехала в сторону.

Девочка взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие, но резиновая подошва окончательно соскользнула с влажного бетона. Она тяжело упала на колено. Розовая пластиковая папка вырвалась из рук, ударилась об асфальт и раскрылась. Разноцветные листы с рисунками веером разлетелись по грязной луже.

Сева оказался ближе всех.

Он сделал шаг вперёд инстинктивно. В этом движении не было ни раздумий, ни попытки что-то доказать окружающим. Обычный, вшитый на подкорку рефлекс — помочь тому, кто упал прямо перед тобой. Сева наклонился и протянул руку к плачущей девочке, чтобы помочь ей подняться.

Мать девочки подбежала почти в ту же секунду.

Она увидела, кто именно склонился над её дочерью. Увидела тёмную куртку и лицо подростка, о котором только что шептались на крыльце. Страх ударил по ней быстрее, чем логика.

— Не трогай её! — резко выкрикнула женщина.

Она не была злой или истеричной. Она просто до смерти испугалась, потому что перед ней стоял человек, который действительно недавно запер чужого ребёнка в дренажной камере. У её реакции было реальное, железное основание.

Она буквально вклинилась между Севой и дочерью, сама подняла девочку, быстро отряхнула её куртку и начала судорожно собирать мокрые рисунки.

Сева замер.

Его рука, протянутая для помощи, осталась висеть в холодном воздухе на секунду дольше, чем нужно. В этой повисшей паузе было что-то физически невыносимое. А потом Сева медленно сжал пальцы в кулак и убрал руку глубоко в карман.

Вера Аркадьевна оказалась рядом мгновенно. Она быстро окинула взглядом плачущую девочку, убедилась, что ничего серьёзного нет — только сбитое колено и испачканные колготки.

— Отведите её в медкабинет на первый этаж, пусть промоют, — спокойно сказала завуч матери.

Женщина коротко кивнула, подхватила дочь и быстро увела её обратно к дверям школы.

Вера Аркадьевна повернулась к Севе и его отцу. Она не стала отчитывать подростка, не сказала «не подходи к детям» или «ты снова пугаешь людей». Она просто ровно произнесла:

— Идите с отцом к воротам.

Не обвинение, но смысл был понятен всем: просто уйди отсюда, чтобы не создавать напряжения.

Клим стоял в нескольких шагах и всё видел. На долю секунды ему показалось, что Сева перед самым падением девочки дёрнулся не просто так — будто хотел предупредить её о скользкой глине. Но Клим не мог быть в этом уверен. И он снова выбрал самое простое, самое безопасное объяснение: после того, что Сева сделал с Даней, он просто не должен был вмешиваться.

Отец Севы молча пошёл к выходу со двора. Сева двинулся следом.

Их путь пролегал прямо мимо Клим, Лады и Аси. Поравнявшись с ними, Сева чуть замедлил шаг. Он не смотрел на Клим с угрозой. Он посмотрел на него с глухой, измотанной усталостью.

— Теперь даже если кто-то тонет, мне нельзя лезть? — тихо спросил Сева.

— Не передёргивай, — напряжённо ответил Клим.

Сева усмехнулся. В этой усмешке не было ни капли веселья, только сухая констатация факта.

— Ясно.

Он отвернулся и пошёл к чугунным воротам вслед за отцом.

Дорога от школы поднималась в гору, к Верхней площади. Клим, Лада и Ася шли по асфальтированной пешеходной дорожке, обходя тёмные лужи. Сева с отцом свернули у ворот в противоположную сторону, к дальнему краю Средних уступов. Их спины быстро растворились за серыми стволами деревьев.

Ася шла рядом с Климом, натягивая рукава куртки на озябшие пальцы. Обычно после кружка она без умолку трещала про краски, новые кисточки и то, как кто-то из её группы разлил воду на парту. Но сейчас она молчала. Это напряжённое, взрослое молчание длилось дольше обычного.

Когда они миновали здание библиотеки, Ася наконец подняла голову.

— Он правда мог бы меня тоже закрыть? — спросила она.

Клим посмотрел на сестру. Внутри него мгновенно сработал защитный рефлекс. Ему было очень легко ответить «нет», чтобы просто успокоить её, вернуть ей привычный, безопасный мир. И так же легко было сказать «да», потому что страх стал бы идеальной гарантией того, что она никогда не подойдёт к Севе и не окажется в беде.

Но Клим понимал, что оба эти ответа будут ложью.

— Я не знаю, — честно сказал он.

Ася нахмурилась, переваривая этот ответ.

— Тогда почему все от него отходят?

Лада, шедшая с другой стороны, скосила глаза на Клима, но не стала вмешиваться. Она ждала, как он выкрутится на этот раз.

— Потому что Даня пострадал, — медленно, подбирая слова, ответил Клим. — И взрослые пока не понимают, что с этим делать. Поэтому они просто отводят всех подальше.

Это было гораздо лучше, чем его вчерашнее резкое «всё равно». Этот ответ был правдивее. Но он всё ещё не давал Асе настоящего инструмента, чтобы различать реальную опасность и человека, на которого её спроецировали.

Когда они свернули в свой двор, Ася вырвалась вперёд и вприпрыжку побежала к подъезду, чтобы первой нажать кнопку домофона.

Лада проводила её взглядом, а затем повернулась к Климу.

— Ты заметил, что никто не спрашивает, что он сделал сейчас? — тихо произнесла она. Клим нахмурился.

— А надо ждать, пока он ещё что-нибудь сделает?

— Нет, — Лада покачала головой. Ветер растрепал её волосы, и она раздражённо убрала прядь за ухо. — Но и делать вид, что он уже всё сделал, тоже странно. Эта девочка просто упала. А её мать дёрнулась так, будто Сева её толкнул.

— Ты его защищаешь? — Клим сам не заметил, как перешёл в нападение. Эта защитная стойка срабатывала у него теперь автоматически.

— Нет, — Лада посмотрела ему прямо в глаза. В её голосе не было ни вызова, ни желания спорить. — Я просто не хочу, чтобы каждый разговор теперь заканчивался его именем.

Клим осёкся. Он вдруг понял, что Лада не просит простить Севу или забыть про Даню. Она вообще говорила о другом. Она пыталась защитить саму возможность того, чтобы будущее не превращалось в бесконечное продолжение одного-единственного поступка. Чтобы мир не сузился до размеров одной дренажной камеры.

Но Клим ещё не был готов с ней согласиться. Ему казалось, что если он уступит сейчас, то предаст свой выбор и всё то, что произошло в кабинете Веры Аркадьевны.

Они подошли к развилке у старой подпорной стены. Ладе нужно было идти в соседний двор, Климу — к своему подъезду.

Клим случайно бросил взгляд вправо, туда, где находился спуск к Низу. У служебной калитки, перетянутой свежей жёлтой лентой, стоял Глеб. Он держал в руках кусачки по металлу и возился с новой, тяжёлой цепью, которую кто-то повесил поверх старого замка.

Служебная калитка между Средними уступами и Низом за день обросла новыми слоями защиты.

К вечеру вода под бетонной стеной стала темнее, чем утром — теперь она казалась почти чёрной на фоне серого камня. На самой калитке поверх старого замка висела толстая металлическая цепь, стянутая свежей свинцовой пломбой. Жёлтая лента трепалась на ветру, перечёркивая ржавые прутья.

Лада махнула на прощание и свернула к своему дому. Ася уже скрылась за тяжёлой дверью подъезда. Клим остался один. Ему нужно было пройти всего двадцать метров до своего двора. Он хотел просто проскочить мимо, ускорить шаг и оказаться дома, но у калитки стоял Глеб.

Взрослый держал в руках кусачки по металлу и с силой дёргал новую цепь, проверяя, как она держит створку после того, как днём её наверняка пытались дёргать десятки любопытных детских рук.

Глеб видел сцену у школьной лестницы издали. Он стоял у гаражей и наблюдал, но не вмешался, потому что понимал: он не имел права отменять страх матери или брать чужую ситуацию на себя.

Услышав шаги Клим, Глеб отпустил цепь. Металл глухо звякнул.

— Что там случилось? — коротко спросил он, не оборачиваясь.

Клим остановился.

— Девочка упала, — неохотно ответил он. — Он полез помогать. Ему сказали не трогать.

Глеб кивнул. Клим напрягся, инстинктивно ожидая, что сейчас этот странный мастер начнёт защищать Севу, говорить о несправедливости мира и жестокости толпы.

Но Глеб спросил совершенно другое:

— А девочка сильно ударилась?

— Нет. Просто колено сбила.

— Мать испугалась?

— Да.

— Сева недавно запер ребёнка?

— Да.

Глеб снова кивнул. Повернулся к Климу, убирая кусачки в широкий карман куртки.

— Тогда всё, что ты видел — правда.

Клим шумно выдохнул. Ему вдруг показалось, что он наконец получил то, чего искал весь этот долгий, изматывающий день. Тот самый неудобный человек, который вчера у калитки заставлял его сомневаться, только что подтвердил: мир работает правильно. Реакция матери была нормальной.

Но Глеб посмотрел на него и продолжил:

— Только правда не всегда заканчивается там, где тебе удобнее её закончить.

Клим вспыхнул. Облегчение мгновенно сменилось колючим раздражением.

— Он Даню запер! — почти выкрикнул он.

— Я знаю, — ровно ответил Глеб.

— Тогда что вы от меня хотите?

Глеб не ответил сразу. Он медленно опустился на корточки у основания бетонной плиты и провёл пальцем по мокрой, тёмной полосе. Посмотрел на грязную влагу на коже, словно оценивая её плотность, а затем перевёл взгляд на Клима.

— Я хочу, чтобы ты не делал из того, что видел, клетку для человека.

Клим сжал кулаки в карманах.

— А если он сам её построил? — с вызовом бросил он.

— Тогда пусть отвечает за дверь, которую закрыл, — сказал Глеб без всякого пафоса, буднично, как рабочее уточнение. — А не за каждую дверь, которую кто-то теперь боится открыть.

Клим промолчал. Слова Глеба были слишком точными, чтобы с ними спорить, и слишком невыносимыми, чтобы с ними согласиться.

Глеб поднялся. Он смотрел на Клима устало, без осуждения.

— Ты видел всё? — тихо спросил он. — Или только то, что решил увидеть?

Клим не нашёл ответа. Он резко развернулся и пошёл к своему дому, стараясь шагать как можно быстрее.

Где-то выше, на перекрёстке Средних уступов, звонко кричали дети, предупреждая друг друга, что нижняя лестница закрыта и надо бежать в обход. Котловина привыкала к новым правилам.

Клим обернулся у самого подъезда.

Глеб всё ещё стоял у технической калитки, на фоне жёлтой ленты, тяжёлой цепи и новой пломбы. А под бетонной стеной тонкая полоска тёмной воды медленно ползла по асфальту. Она текла странно — не вниз, подчиняясь уклону площадки, а вбок. Прямо в сторону Низа.

Часть II «ПЕЧАТЬ»

Глава 9. Временно

Слово «временно» Клим увидел три раза до первого звонка.

Первый раз — на жёлтой ленте, перетягивающей нижнюю лестницу: «ПРОХОД ВРЕМЕННО ЗАКРЫТ».

Второй — на распечатанном листе, неровно приклеенном скотчем к школьной доске объявлений.

Клим и Лада пришли в школу на десять минут раньше обычного. Им пришлось давать круг по верхнему маршруту, и теперь они отряхивали куртки от мелкой, висящей в воздухе мороси у бокового входа в младший корпус.

Объявление на стеклянной двери гласило:

«Временно изменён порядок посещения школы для отдельных учащихся. Просьба не создавать скоплений у бокового входа».

В тексте не было ни одного имени. Но все, кто проходил мимо, понимали, о ком речь.

Клим посмотрел сквозь мутное стекло.

В тамбуре, между двойными дверями, стоял Сева.

Рядом с ним находился его отец. Мужчина был в тяжёлой рабочей куртке со следами вьевшейся извести на рукавах, а на его ботинках засохла серая глина. Было ясно, что он не успел переодеться после раннего вызова на какой-нибудь аварийный участок и приехал в школу прямо со смены.

Напротив них, держа в руках тонкую картонную папку, стояла Вера Аркадьевна.

Клим не хотел подслушивать, но доводчик внешней двери был сломан, створка приоткрыта, и в гулкой тишине тамбура голоса звучали отчётливо.

— Сева входит через этот вход ровно в восемь двадцать пять, когда основной поток уже прошёл, — спокойно и делово говорила Вера Аркадьевна. Она не читала по бумажке, она просто озвучивала новые правила жизни. — До звонка он остаётся в кабинете сопровождения на первом этаже. На перемены пока не выходит в общий коридор. Если нужен туалет — на первом этаже есть отдельный. После занятий он одевается здесь же и выходит через боковую дверь. Вы его встречаете, либо он идёт домой в сопровождении дежурного педагога.

Отец Севы выслушал это, глядя не на завуча, а куда-то в пол. Затем он поднял тяжёлый, уставший взгляд.

— На сколько это? — хрипло спросил он.

Вера Аркадьевна не стала прятаться за канцелярскими формулировками или разводить руками.

— До следующего пересмотра мер безопасности, — ответила она.

— Это не ответ.

— Это честный ответ, — твёрдо сказала Вера Аркадьевна. — Я не могу назвать дату, которой не знаю. Мы должны убедиться, что ситуация стабильна, а дети чувствуют себя в безопасности.

Мужчина посмотрел на Севу. Тот стоял рядом, засунув руки в карманы куртки.

— Он не собака, чтобы водить его по расписанию и держать в отдельном кабинете, — глухо сказал отец.

Вера Аркадьевна не ответила жёстко, но в её голосе не было и тени извинения.

— Я знаю. Поэтому это не наказание. Это временная профилактическая мера. Но сейчас я не могу сделать вид, что ничего не произошло, и просто пустить его в общий поток.

Сева всё это время молчал.

Он не опускал глаза с театральным раскаянием, не смотрел с вызовом. Он просто неотрывно смотрел на металлическую ручку внутренней двери, будто ждал, когда этот разговор закончится и кто-нибудь уже скажет, куда именно ему теперь разрешено идти.

Сначала, слушая завуча, Клим был полностью на её стороне. Он думал: *«После того, что сделал Сева в камере, иначе нельзя. Это разумно»*.

Но потом он посмотрел на Севу. Тот уже пришёл раньше всех. Через отдельный вход. С отцом. С готовым маршрутом, по которому ему было разрешено двигаться, ни с кем не пересекаясь.

И Клим вдруг понял: Севу не просто ограничили. Ему выдали совершенно другой способ существовать внутри школы.

Вера Аркадьевна повернула голову и заметила Клима за стеклом. Она кивнула отцу Севы, открыла внутреннюю дверь и, проходя мимо, приоткрыла внешнюю створку.

— Клим, — негромко сказала она. — После первого урока зайди ко мне в кабинет, пожалуйста. На пять минут.

— Хорошо, — ответил Клим.

Он кивнул, ещё не зная, что теперь он снова будет нужен городу как свидетель.

В кабинете, где у них проходил первый урок, пахло влажной шерстью и меловой пылью. На широком подоконнике над горячей батареей сохли рядами маленькие цветные варежки — перед ними здесь занималась младшая группа.

Место Севы пустовало.

В этом не было ничего демонстративного. Парту не вынесли в коридор, его фамилию не стёрли из дежурного графика в уголке доски, никто не выбросил его старую ручку, которую он вечно забывал на столе. На стуле просто не висела его куртка, а на соседнее место никто не сел.

Светлана Игоревна вошла в класс со звонком. Она положила журнал на стол, окинула взглядом ряды парт и, не дожидаясь перешёптываний, ровным, поставленным голосом произнесла:

— Сева Мартынов будет получать задания по отдельному графику. Это временно. В классе его отсутствие мы не обсуждаем. Открываем тетради, записываем число.

Один из мальчиков на задней парте, не поднимая руки, громко спросил:

— Его выгнали?

Светлана Игоревна остановилась с куском мела у доски.

— Нет, — коротко ответила она. Выдержала секундную паузу и добавила: — Его временно отстранили от обычного расписания.

Лада, сидевшая рядом с Климом, наклонилась к его плечу.

— Очень разница заметна, — почти не шевеля губами, прошептала она.

— Лад, — раздражённо шикнул Клим, уставившись в свою тетрадь.

Но внутри он понимал, что она права. Разница между «выгнали» и «временно отстранили» на бумаге, возможно, и существовала, но здесь, в классе, её не было вообще. Сева не сидел с ними. Он не слышал их звонка.

Светлана Игоревна достала из стопки на столе тонкую зелёную тетрадь и несколько распечатанных бланков с заданиями.

— Лада, — позвала она. — Ты после урока пойдёшь на первый этаж. Занеси, пожалуйста, эти материалы в кабинет сопровождения. Передашь дежурному.

Лада слегка поморщилась, но кивнула.

— Хорошо.

Она подошла к учительскому столу, забрала тетрадь с фамилией Севы и положила её на край своей парты. Клим смотрел на эту тетрадь. Обычное, рутинное школьное действие — передать домашку отсутствующему — сейчас ощущалось дико. Как будто жизнь Севы больше не принадлежала ему самому. Её теперь можно было просто переносить в бумажных папках из одного изолированного кабинета в другой.

Клим перевёл взгляд на пустую парту у окна.

Он впервые почувствовал не просто тревогу из-за того, что Сева сделал в дренажной камере, а физическую, тянущую неловкость от этой пустоты в классе. Это было неправильно. Человек не должен просто исчезать, оставляя после себя только распечатанный график и тишину.

Но Клим тут же одёрнул себя. Он вспомнил ледяную воду на полу камеры и срывающийся голос Дани.

«Это не про Севу, — твёрдо сказал он себе, крепче сжимая ручку. — Это про безопасность».

Эта удобная мысль сработала мгновенно, как местная анестезия. Клим выдохнул и начал записывать с доски уравнение.

За стеной, в пустом гулком коридоре, раздались чьи-то шаги. Звонкий голос старшеклассника громко спросил кого-то невидимого:

— А где тот парень? Ну, который...

Светлана Игоревна быстро подошла к двери и плотно закрыла её, отсекая класс от коридора.

После первого урока Клим спустился на первый этаж. В широком рекреационном коридоре, куда выходили двери медкабинета и кабинета Веры Аркадьевны, былолюдно. Здесь всегда толпились младшеклассники, ожидающие справок или освобождений от физкультуры, и их родители.

Клим шёл к кабинету завуча, когда заметил Даню.

Даня сидел на деревянной кушетке у стены рядом со своей матерью, Ириной Рудиной. Он пришёл не для того, чтобы вернуться к урокам — на нём была обычная уличная куртка, а правое запястье туго перетягивал эластичный бинт. Видимо, они пришли забрать домашние задания и отдать медсестре справку из травмпункта.

Даня не выглядел как убитая горем «жертва». Он болтал здоровой ногой, разглядывал плакаты на стенах и всем своим видом показывал, как ему скучно и неудобно сидеть в коридоре, пока взрослые решают бумажные вопросы.

Клим хотел подойти и поздороваться, но не успел.

В паре метров от кушетки, у окна, стояли две женщины. Они ждали очереди в медкабинет и разговаривали вполголоса, но акустика пустого коридора делала их шёпот отчётливым.

— Это он? — спросила одна, кивнув в сторону Дани.

— Кто? — переспросила вторая, поправляя сумку на плече.

— Ну, мальчик из камеры.

Женщина не произнесла это со злобой или насмешкой. В её голосе было только праздное любопытство. Вторая тут же охнула, прикрыла рот рукой и быстро зашептала:

— Господи, бедный ребёнок... Какой ужас пережить.

Даня перестал болтать ногой.

Он не заплакал и не съёжился. Он медленно поднял голову, посмотрел прямо на шепчущихся женщин и сказал звонко, на весь коридор:

— У меня есть имя.

Ирина мгновенно дёрнулась и положила руку ему на здоровое плечо, слегка сжав пальцы.

— Даня, — тихо одёрнула она.
Женщина у окна густо покраснела.

— Ой, извини, пожалуйста, мы не хотели... — забормотала она, отводя глаза.

Даня не стал слушать извинения. Он встал, выдернул из рук матери тонкую тетрадь с заданиями и быстро зашагал к лестнице. Ирина догнала его не сразу. Сначала она посмотрела на женщин у окна — тяжёлым, долгим взглядом человека, который хочет сказать очень много, но у которого просто нет на это сил. А затем молча пошла вслед за сыном.

Клим стоял у стены и чувствовал, как краска заливает лицо. Ему было стыдно.

Не за себя — он ещё не до конца осознал масштаб того, что натворил своим рассказом. Ему было невыносимо стыдно за чужую, липкую бестактность. Он смотрел вслед Дане и думал: *«Они не имеют права называть его так. Это не их история»*.

Но в этот момент Клим не замечал главного. Он злился на женщин за то, что они превратили Даню в «мальчика из камеры», но не видел, что город уже начал делать с Даней абсолютно то же самое, что сделал с Севой: заменять живого человека одним-единственным событием. Сводить его к удобной роли жертвы, о которой можно сочувственно шептаться в коридорах.

Клим отвёл взгляд от опустевшей кушетки.

Дверь кабинета Веры Аркадьевны приоткрылась. Завуч выглянула в коридор, заметила Клим и коротко кивнула.

— Заходи, — сказала она. — Нам нужно уточнить один момент про ключ.

Кабинет Веры Аркадьевны встретил Клим привычным запахом бумаги и остывшего чая. Завуч сидела за столом, просматривая какие-то бланки. Когда Клим вошёл и плотно прикрыл за собой дверь, она отложила ручку.

— Садись, Клим. Я быстро, — сказала она, кивнув на стул напротив. — Техники из аварийной службы подтвердили, что на калитке висел старый навесной замок. Ты уверен, что ключ, который ты видел у Севы днём, подходил именно к нему?

— Я не видел, как он его открывал днём, — точно ответил Клим. — Но вечером, когда он вышел из прохода, он закрывал калитку именно этим ключом.

Вера Аркадьевна кивнула и сделала короткую пометку в блокноте.

— Понятно. Значит, доступ у него был свободный.

Она подвинула по столешнице распечатанный лист бумаги так, чтобы Климу было удобно читать.

— Это рабочий лист временных мер, которые мы ввели для Севы. Прочти.

Клим опустил глаза. Текст был разбит на сухие, канцелярские пункты. Никаких эмоций, никаких слов вроде «опасный», «преступник» или «угроза». Только строгие инструкции:

— *ограничение доступа к техническим зонам;*

— *обязательное сопровождение на территории школы;*

— *индивидуальный график посещения;*

— *запрет на самостоятельный контакт с младшими учащимися;*

— *регулярные консультации со школьным психологом.*

Это выглядело как расписание процедур в больнице. Клим пробежал глазами по списку до самого конца и вдруг споткнулся о последнюю строчку. Там стояла дата введения мер — вчерашнее число. А вот даты окончания не было.

Вместо неё было напечатано: *«Срок действия: до следующего пересмотра обстоятельств»*.

Клим поднял голову.

— А что должно случиться, чтобы это отменили? — спросил он.

Вера Аркадьевна ответила не сразу. Она посмотрела на него тем тяжёлым, оценивающим взглядом, которым взрослые смотрят на детей, задавших слишком взрослый вопрос.

— Должно стать понятно, что риск не повторится, — ровно произнесла она.

— А как это понять?

— Хороший вопрос, — Вера Аркадьевна не стала уходить от ответа или сводить всё к шутке. — Мы будем смотреть на его действия. На разговоры. На то, соблюдает ли он эти ограничения. На выводы психолога. И, конечно, на то, как будет чувствовать себя Даня и другие дети.

Клим нахмурился.

— То есть... если Даня всё равно будет его бояться, Сева так и будет ходить по школе отдельно?

— Нет. Не только от этого зависит, — твёрдо сказала Вера Аркадьевна. — Но, Клим, страх пострадавшего ребёнка нельзя сделать неважным просто потому, что всем остальным стало неудобно.

Она была права. Эта её позиция была абсолютно железобетонной, и Климу нечего было ей возразить. Вера Аркадьевна не демонизировала Севу, но она отказывалась считать страх Дани чем-то, через что можно просто перешагнуть ради чужого комфорта.

Завуч сняла очки и устало потёрла переносицу.

— Пойми одну простую вещь, — добавила она тише, и в этой её фразе прозвучала вся суть её работы. — Временно ограничить человека всегда легче, чем потом стоять перед родителями и объяснять, почему мы не сделали ничего, когда были обязаны.

Клим слышал в этом чистый, холодный разум. Вера Аркадьевна не наслаждалась властью. Она не хотела никого мучить. Она просто панически боялась ошибиться в сторону бездействия, потому что цена такой ошибки — чья-то жизнь.

И всё же... Это сухое, напечатанное на принтере слово «временно» вдруг зазвучало в голове Клима так, будто у него вообще не было обратной дороги. Как можно доказать, что ты больше не опасен, если тебе даже не дают возможности побыть обычным?

Вера Аркадьевна убрала лист в папку.

— Сегодня вечером будет собрание Совета профилактики с родительским комитетом, — сказала она, возвращаясь к деловому тону. — Тебя могут попросить зайти на пару минут и коротко повторить то, что ты видел. Только факты. Никаких оценок. Сможешь?

Клим почувствовал, как по спине пробежал странный холодок.

— Смогу, — ответил он.

Он встал и пошёл к двери. Внутри него мешались страх и какое-то новое, пугающее чувство. Ему было неприятно думать о Севе, но ему было... приятно, что без него, Клима, взрослые не обойдутся. Что его слова имеют такой вес, что ради них собирают целый Совет.

Уроки закончились. На улице снова заморосило — мелкий, почти невидимый дождь повис в воздухе холодной пылью. Капли оседали на стёклах школьных дверей, дрожали и медленно сползали вниз, оставляя мутные дорожки.

Клим и Лада шли по коридору первого этажа к боковому выходу. Через главные двери сейчас сплошным шумным потоком вываливались младшие классы, и толкаться там не хотелось.

Они уже подходили к тамбуру, когда Клим остановился.

Впереди, прямо перед стеклянной створкой, стоял Сева. Рядом с ним находился социальный педагог — молчаливый мужчина в сером свитере. Он не держал Севу за руку и не стоял к нему вплотную. Он просто ждал, пока тот застегнёт куртку.

За стеклом, по ту сторону двери, под моросящим дождём стоял отец Севы.

Сева выходил раньше других. Клим смотрел сквозь стекло на школьный двор и вдруг осознал, как именно был выстроен новый маршрут Севы.

Его путь проложили так, чтобы он не пересекался ни с кем. Он не проходил мимо младшего корпуса. Не спускался по центральной, широкой лестнице, где всегда толпились дети. Не шёл мимо автобусной остановки. Ему нельзя было задержаться во дворе, попинать камень, постоять у турников.

Вера Аркадьевна всё рассчитала идеально. Это действительно сводило любой риск к нулю.

Но со стороны это выглядело так, будто из школы по пустому коридору выводят человека, которого никто не должен видеть.

Сева толкнул плечом дверь и вышел на крыльцо. Педагог сделал шаг следом, кивнул отцу и остановился под козырьком, провожая их взглядом, пока они не дошли до чугунных ворот и не скрылись за поворотом.

Лада, стоявшая рядом с Климом, проводила их глазами.

— Он теперь всегда так? — тихо спросила она.

Клим поправил лямку рюкзака.

— Временно.

Лада перевела взгляд на стеклянную дверь. На уровне глаз к ней был приклеен свежий лист бумаги в прозрачном файле. На нём крупно, чёрным шрифтом было напечатано:

«ВРЕМЕННЫЙ ВЫХОД

ДО ОСОБОГО РАСПОРЯЖЕНИЯ».

Она прочитала эти две строчки и невесело усмехнулась.

— Знаешь, что смешно? — сказала Лада, поворачиваясь к Климу. — «До особого распоряжения» — это не временно. Это просто когда кто-нибудь когда-нибудь решит.

Клим открыл рот. Ему захотелось возразить. Сказать, что Вера Аркадьевна всё объяснила, что должны пройти проверки, что нужно посмотреть на реакцию Дани, что всё это — просто разумная процедура.

Но он не смог.

Слова застряли в горле, потому что Лада была права. Как можно доказать, что ты исправился, если тебе не дают возможности совершить даже обычный поступок? Как можно показать, что ты не опасен, если вокруг тебя выстроили пустоту, в которой ты вообще ничего не можешь сделать?

Впервые Клим почувствовал, что слово «временно» может быть не защитой, а самой надёжной формой изгнания. И он совершенно не знал, как это можно исправить. И должен ли он вообще это исправлять, если Даня всё ещё сидит дома с перебинтованной рукой.

Они молча вышли на крыльцо.

Тяжёлая стеклянная дверь за их спинами закрывалась медленно — старый доводчик разом от весенней сырости и теперь с трудом тянул створку на место.

Клим обернулся и посмотрел на приклеенный лист. От влажности файл отклеился с одной стороны, угол белой бумаги намок, потемнел и загнулся. Но напечатанное крупным шрифтом слово «ВРЕМЕННЫЙ» держалось на стекле крепче, чем сама бумага.

Глава 10. Расшиватель

В библиотеке пахло мокрыми куртками, пыльной бумагой и чужим раздражением.

Это не был зал заседаний или торжественный совет. Обычное школьное помещение на первом этаже, где вдоль стен тянулись стеллажи с классикой, а в центре сдвинули несколько читальных столов и расставили разномастные стулья. Над дверью висел старый стенд с фотографиями Котловины после Обвала — чёрно-белые снимки разрушенных лестниц и людей, разбиравших камни. На маленьком столике в углу стоял электрический чайник и стопка пластиковых стаканчиков, но никто к ним так и не притронулся.

Клим стоял в коридоре, глядя внутрь через широкую стеклянную перегородку.

Рядом с ним стояла Лада. Внутри, за стеклом, находилась её мать, Вера Аркадьевна, Нина Сергеевна, классный руководитель Светлана Игоревна, Марина и ещё человек шесть родителей.

На двери с наружной стороны скотчем был приклеен лист:

«ВСТРЕЧА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ШКОЛЫ.

ПРОСЬБА НЕ ОБСУЖДАТЬ ИНЦИДЕНТ В ПРИСУТСТВИИ ДЕТЕЙ».

Клим прочитал эти слова и понял, что формально его уже не должно было здесь быть. Он оказался рядом только потому, что Марина не успела отвезти Асю домой и попросила его подождать в коридоре, чтобы быть на связи, если Вере Аркадьевне вдруг понадобится уточнить какую-то техническую деталь его вчерашнего нахождения у калитки.

Лада ткнула пальцем в приклеенный лист.

— Смешно, — тихо сказала она.

— Что? — Клим покосился на неё.

— Все обсуждают ребёнка. Но ребёнка сюда нельзя.

Клим пожал плечами.

— Даню нельзя снова таскать по кабинетам. И так в больнице сидел.

Лада перевела взгляд на людей за стеклом.

— Я не про Даню.

Она не стала пояснять, но Клим и так понял, о ком речь. Он посмотрел в дальний угол библиотеки, туда, где у окна, отдельно от всех, стоял Глеб Нестеров.

Глеб не выглядел как загадочная фигура, явившаяся на суд. На нём была всё та же рабочая куртка. В руках он держал сложенную вдвое техническую схему калитки и короткий список, написанный от руки: заменить петлю, убрать старый замок, проверить нижний проход. Его пригласили не как свидетеля, а как человека, который по просьбе диспетчерской службы осматривал служебный проход и точно знал, где именно и как сломалась дверь дренажной камеры.

Нина Сергеевна, председатель родительского комитета, сидевшая у самого стола, заметила фигуру у окна. Она повернулась к Вере Аркадьевне. Клим не слышал слов сквозь стекло, но по губам и выражению лица было понятно: она спрашивает, что здесь делает этот человек.

Внутри у Клим заворочалось знакомое, колючее раздражение. Он был заранее уверен: Глеб пришёл не только ради технической схемы. Он снова будет вмешиваться. Снова будет защищать Севу, задавать неудобные вопросы, делать вид, что всё не так просто.

Клим ещё не знал, что Глеб начнёт не с Севы. Он начнёт с того, как взрослые собирают историю.

Вера Аркадьевна подошла к двери и плотно закрыла её изнутри, отсекая коридор. Но акустика в старом здании была такой, что через щели под дверью и стыки стеклянной перегородки голоса в библиотеке были слышны почти отчётливо.

Собрание началось.

Голос Веры Аркадьевны пробивался сквозь неплотно прикрытую дверь чётко и ровно. Она стояла у торца сдвинутых столов, опираясь на них обеими руками. Она не пыталась успокаивать родителей елейным тоном и не нагнетала драму.

— Я не буду обсуждать здесь медицинские подробности состояния Дани, — сразу начала завуч. — И я не буду пересказывать свидетельства детей. Это не следственный эксперимент. У нас есть факты, с которыми школа обязана работать прямо сейчас.

Она сделала паузу, обедя взглядом сидящих взрослых.

— Есть факт: младший ребёнок оказался заперт в техническом помещении. Есть факт: старший подросток признал, что закрыл эту дверь. И есть факт: помощь была вызвана с опасной задержкой. Наша задача сегодня — не выбрать виноватого за всех, а не допустить повторения.

Сквозь стекло Клим видел, как напряжённо замерли плечи родителей. Никто не перебивал.

— Меры уже введены, — продолжила Вера Аркадьевна. — Все технические проходы перекрыты, выставлены ленты, замки заменены. Изменены маршруты движения младших классов. Организовано дежурное сопровождение. Сева временно переведён на индивидуальный режим — он не пересекается с остальными детьми. Классным руководителям строго запрещено распространять непроверенные детали. А вам, как представителям комитетов, я настоятельно рекомендую обсуждать в семьях правила безопасности, а не личность Севы.

В библиотеке повисла секундная тишина, а затем вопросы посыпались один за другим. Это не был бессмысленный гвалт толпы. Родители задавали очень точные, реальные вопросы людей, которые боятся за своих детей.

— Вера Аркадьевна, а почему ключ вообще оказался у подростка? — спросил отец девочки из параллели Клим.

— Почему эта камера не была опечатана наглухо, если туда нельзя ходить? — добавила женщина рядом с ним.

— Кто вообще отвечает за эти старые проходы?

— А что будет, если он снова подойдёт к младшим? Кто даст гарантию?

— Почему мы узнаём всё кусками, из чатов, а не от школы?

Вера Аркадьевна не стала прятаться за бумагами.

— Вы узнаете всё кусками, потому что часть ответов пока не установлена, — твёрдо ответила она, перекрывая гул голосов. — И потому что я не буду превращать неполную информацию в публичное наказание до того, как полиция и комиссия закончат свою работу.

Нина Сергеевна, сидевшая по правую руку от завуча, кивнула и повернулась к родителям.

— Коллеги, давайте по существу, — голос председателя родительского комитета прозвучал устало, но веско. — Нам сейчас не нужен чат с сотней детективных версий. Нам нужно понять, как дети завтра будут ходить в школу и кто головой отвечает за опасные участки. Школа свои меры приняла. Сева изолирован. Маршруты есть.

Клим, наблюдавший за этим из тёмного коридора, почувствовал странное облегчение. Взрослые не были злой, слепой толпой, собравшейся на линчевание. Они не требовали крови. Они действительно пытались защитить своих детей, пытались выстроить систему, в которой больше ни один Даня не окажется в заклинившей камере. В этой понятной, строгой логике Клим видел подтверждение и своей собственной правоты. Он помог этой защите сработать.

Но тут мужчина, задавший первый вопрос про ключ, подался вперёд. Он оперся локтями о стол и посмотрел на Веру Аркадьевну.

— Маршруты — это прекрасно, — сказал он негромко, но так, что его услышали все. — А нам предлагают просто верить, что этот парень теперь никого не тронет?

В библиотеке стало очень тихо.

Вера Аркадьевна не стала отвечать на повисший в воздухе вопрос. Она повернулась к окну.

— Глеб, подойди, пожалуйста, — сказала она. — Объясни техническую часть. Как был открыт проход и почему закрытая зона вообще оказалась доступной.

Глеб отлепился от подоконника. Он не стал выходить в центр, как лектор, а просто подошёл к краю сдвинутых столов. Положил перед собой сложенный вчетверо лист со схемой и разгладил его ладонями с въевшейся в кожу въедливой грязью.

— Калитка была старая, но петли держали, — заговорил он ровным, сухим голосом. — Замок на ней висел навесной, советского образца. Ключ, который был у подростка, действительно подходил к нему. За калиткой начинается техническая площадка и спуск к нижним дренажным галереям, куда доступа без допуска быть не должно. Дверь самой камеры просела давно. Металл повело от влаги. Если бы её проверяли по графику, её бы заварили или срезали ещё осенью.

— То есть всё из-за того, что у него просто был ключ? — перебил его отец девочки из параллели.

Глеб поднял на него глаза.

— Нет, — ответил он. — Ключ не запирает ребёнка сам.

Он сделал короткую паузу, глядя на сидящих взрослых.

— Но ключ, открытая калитка и старая, брошенная коммунальщиками дверь сделали это возможным.

Эта фраза прозвучала как тихий, но чёткий щелчок. Глеб не снимал вины с Севы, но он впервые внёс в эту комнату то, о чём никто не хотел думать: система тоже была дырявой. Город сам оставил этот капкан открытым.

Мужчина, задавший вопрос, раздражённо дёрнул плечом.

— Нам не нужна лекция про двери, Нестеров, — с нажимом произнёс он. — Нам нужно знать, опасен этот парень или нет.

Глеб смотрел на него несколько секунд.

— Вам нужно знать, что он сделал, — спокойно ответил Глеб. — А про «опасен» вы уже решили без меня.

— Глеб, — осадила его Вера Аркадьевна. Голос завуча лязгнул металлом. Ей не нужен был конфликт, ей нужен был порядок.

Глеб кивнул, словно признавая, что сказал резче, чем следовало. Но тон его не изменился, когда он продолжил:

— Он закрыл ребёнка. Это факт. Он не сразу позвал помощь. Это тоже факт. И если вы будете обсуждать меры безопасности, обсуждайте их вокруг этих фактов.

— А что ещё тут обсуждать? — развёл руками другой родитель, сидевший рядом с Ниной Сергеевной. — Картина и так ясна.

Глеб опустил взгляд на стол Веры Аркадьевны, где лежали ровные стопки бумаг и протоколов. Потом он медленно повернул голову в сторону стеклянной перегородки.

Клим стоял в полутёмном коридоре, и на долю секунды ему показалось, что Глеб смотрит прямо ему в глаза сквозь бликующее стекло. Взгляд взрослого не был обвиняющим, но от него Клим почувствовал, как к горлу подкатывает горячий, липкий ком.

Глеб перевёл глаза обратно на родителей.

— Что он не ушёл, — сказал Глеб.

В библиотеке повисла абсолютная, звенящая тишина.

Клим перестал дышать. Глеб не сказал: «Сева хороший». Он не сказал: «Его нужно отпустить и понять». Он просто взял тот самый Третий Факт, который Клим вчера аккуратно отсёк и оставил за дверью, и положил его прямо в центр стола.

Сквозь щель в двери было слышно, как тяжело вздохнула Марина.

Тишину разорвал голос Нины Сергеевны. Она сидела очень прямо, скрестив руки на груди.

— И что это меняет для Дани? — холодно спросила она.

Вера Аркадьевна ответила раньше Глеба.

Она выпрямилась, опираясь ладонями о стол, и её голос зазвучал с ледяной, профессиональной чёткостью.

— То, что Сева пытался открыть дверь, не отменяет того, что Даня оказался заперт. И не отменяет того, что помощь была вызвана слишком поздно.

— Не отменяет, — спокойно согласился Глеб.

— Тогда я не позволю использовать это как смягчающую историю для родителей, пока Даня ещё боится выйти из дома, — отрезала завуч.

— А я не прошу смягчать, — Глеб не повысил голоса, но в его тоне появилась тяжёлая, металлическая плотность. — Я прошу не строить меры безопасности так, будто он запер ребёнка и ушёл домой пить чай.

— А какая разница?! — резко, с надрывом воскликнула женщина, сидевшая у окна. — Ребёнок сидел там один! В темноте!

Глеб посмотрел не на неё лично, а обвёл взглядом всю комнату.

— Разница в том, что именно вы потом будете ему запрещать, — сказал он. — Если он ушёл и бросил ребёнка умирать — вы будете запрещать одно. Если он запер, испугался, соврал, пытался открыть сам, сорвал руки и поздно, но всё-таки вызвал взрослых — вы будете запрещать другое. В обоих случаях он отвечает. Но вы хотя бы знаете, за что именно.

Клим, прижавшись к холодному стеклу в коридоре, почувствовал, как у него перехватило дыхание. Впервые суть Третьего Факта прозвучала в публичном пространстве. Не как красивая философская мысль. Как сухое, жёсткое требование точности, без которой невозможно справедливое решение.

Пожилой грузный мужчина из хозяйственного комитета, знавший Глеба по прежним работам на теплотрассах, раздражённо хлопнул ладонью по столу.

— Нестеров, ты как всегда. Расшиватель, — с досадой бросил он, произнеся это слово как ругательство. — Была трещина — нет, надо сначала всё расковырять, расколоть до арматуры, пока стена совсем не посыпалась.

— Если сверху просто замазать, она потом всё равно ползет, — Глеб ответил на том же техническом языке. — Только шире и уже с куском бетона.

Клим впервые услышал это слово. *Расшиватель*. Тот, кто вскрывает трещину, сбивает слабый слой, убирает непрочный раствор и только потом решает, как чинить. Для людей вокруг это означало человека, который делает только хуже, грязнее и дольше, когда всем хочется просто замазать и забыть.

Но Глеб завёлся. И в этот момент он совершил ошибку. Он переступил границу.

— Сейчас вы не Даню защищаете, — бросил Глеб, глядя на сидящих за столом родителей. — Вы пытаетесь быстро сделать так, чтобы вам больше не пришлось думать, почему взрослые люди годами не знали, где лежат старые ключи, почему не заварены опасные двери и почему дети вообще гуляют у дренажных камер.

Нина Сергеевна резко, со скрипом отодвинула стул и встала. Её лицо побледнело, губы сжались в тонкую линию.

— Не смейте, — её голос дрожал от сдерживаемой ярости, но звучал громче любого крика. — Не смейте говорить, что я использую чужого ребёнка, чтобы о чём-то не думать. Я с его матерью вчера в больнице сидела до ночи. Я видела его. И я знаю, чего она боится.

Глеб осёкся. Он замолчал, опустив взгляд на свои пыльные ботинки. Он понял, что ударил мимо. Ударил по человеку, который действительно помогал, который провёл ночь рядом с чужой бедой, пока он сам ковырялся в старых замках. Эта ошибка мгновенно лишила его правоты в глазах комнаты.

Вера Аркадьевна воспользовалась этой паузой, чтобы окончательно завершить спор.

— Мы фиксируем оба факта, — твёрдо, как припечатала, сказала она. — Но меры безопасности мы вводим сейчас. И я не позволю превращать эту рабочую встречу в обсуждение характера ребёнка, который пострадал, или подростка, который виноват.

Это была сильная, абсолютно честная финальная позиция. Вера Аркадьевна ещё не понимала, что сама эта формула — «меры сейчас, лицо потом» — уже производит Печать, которую потом будет невозможно стереть.

Клим стоял в коридоре. Он почти ненавидел Глеба. Ненавидел за то, что тот говорил о Севе в момент, когда все боялись за Даню. За то, что заставлял взрослых спорить вместо того, чтобы защищать. И главное — за то, что публично вытащил на свет факт, который Клим предпочёл оставить за закрытой дверью.

И всё же, сквозь всю эту злость, Клим не мог забыть, что Глеб сказал правду.

Голоса внутри библиотеки стали громче, напряжение спадало, переходя в бытовое обсуждение графиков дежурств. Дверь приоткрылась, и в коридор вышла Марина. Она плотно прикрыла створку, отрезая шум.

Она подошла к сыну. Лицо её было усталым.

— Пойдём, — тихо сказала она. — Тебе не нужно это слушать.

Клим посмотрел на неё. В горле стоял сухой ком.

— Он сказал про прут, — вырвалось у Клим.

Марина остановилась. Она не стала спрашивать «какой прут?». Она посмотрела на сына слишком внимательно — так, как смотрела на людей, которые путались в показаниях во время аварии.

Она ничего не ответила. Просто поправила ремешок своей сумки и пошла к выходу.

Школьный двор встретил его холодной, влажной темнотой. Под высоким фонарём блестел мокрый асфальт, покрытый рябью мелких луж. В здании за спиной почти везде погас свет, только на первом этаже всё ещё светило единственное окно библиотеки.

Марина ждала у чугунных ворот. Она стояла под фонарём, подняв воротник куртки, но не стала окликать сына или идти ему навстречу, давая время выдохнуть.

Клим хотел просто дойти до матери, выйти за территорию школы и оказаться дома. Но тяжёлая дверь бокового выхода скрипнула, и на крыльцо вышел Глеб.

Он вышел последним. Он не пытался догнать Клим, не окликал его в спину и не преграждал дорогу. Он просто шёл к тем же воротам. Когда они поравнялись у края заасфальтированной площадки, Глеб, не поворачивая головы, спросил:

— Вере ты тоже не сказал?

Клим сбился с шага.

— Что?

— Что видел, как он пытался открыть, — ровно произнёс Глеб.

Клим остановился. Внутри него мгновенно вспыхнула та самая защитная, колючая ярость, которая весь вечер тлела под рёбрами.

— Она спросила, что я видел, — отчеканил Клим. — Я сказал.

Глеб тоже остановился. Он повернулся к Климу, и свет уличного фонаря резко очертил усталые тени на его лице.

— Нет, — сказал Глеб. — Ты сказал то, после чего всем стало проще решить, кто он.

Клим почувствовал, как к лицу приливает кровь.

— Он Даню запер! — почти выкрикнул он.

— Да.

— Он соврал!

— Да.

— Он не сразу позвал взрослых!

— Да, — всё так же спокойно, не повышая голоса, соглашался Глеб с каждым ударом.

— Тогда что ты от меня хочешь?! — голос Клина сорвался, эхом отлетев от кирпичной стены школы.

Глеб выдержал паузу. Он смотрел на тяжело дышащего, разозлённого подростка без всякого превосходства.

— Чтобы ты перестал делать вид, будто просто рассказал, — тихо ответил Глеб. — Ты выбрал версию.

Слова повисли в холодном воздухе. Это была совершенно новая формулировка. Глеб не сказал: «Ты солгал». Он не сказал: «Ты виноват во всём». Но Клим услышал её именно как самое страшное обвинение.

— Я не обязан спасать его, — процедил Клим сквозь зубы.

— Не обязан, — кивнул Глеб. — Но ты обязан знать, когда перестал быть свидетелем и стал человеком, который решает, что останется в чужой жизни.

Клим круто развернулся и быстро зашагал к воротам, где ждала Марина. Он уходил не потому, что разговор был закончен, и не потому, что ему нечего было больше сказать. Он уходил потому, что если бы остался ещё на секунду, ему пришлось бы признать: Глеб попал в самую точку.

Его умолчание не было отсутствием действия. Оно было выбором.

Марина молча пошла рядом с ним. Они вышли за ворота и начали спускаться по широкой бетонной лестнице, ведущей к Средним уступам.

На площадке между пролётами, прямо под круглым плафоном уличного освещения, Клим остановился.

На серой подпорной стене виднелась тонкая извилистая трещина. Кто-то из коммунальщиков недавно забил её свежей, ярко-белой шпаклёвкой, аккуратно замазав изъян. Но прямо сейчас из-под этого ровного белого слоя, пробивая себе дорогу сквозь свежий ремонт, проступала влажная тёмная линия. Вода сочилась изнутри, медленно, но неотвратимо разрушая удобную гладкую поверхность.

Клим смотрел на неё секунду.

Потом поправил рюкзак на плече и прошёл мимо.

Глава 11. История без тебя

На третий день Севина парта уже не казалась пустой.

Это было страшнее, чем если бы все продолжали замечать отсутствие человека и перешёптываться, косясь на окно. Класс просто привык. За три дня место у батареи в конце среднего ряда перестало быть зияющей дырой и стало частью нового, привычного порядка.

Утро выдалось сухим, но пасмурным. У батареи сохли влажные тряпки после дежурства, а из приоткрытой форточки тянуло холодным воздухом и запахом картошки с нижнего рынка.

Светлана Игоревна вошла со звонком, положила журнал и, не прерывая шага, опустила на Севину парту прозрачную пластиковую папку с распечатанными заданиями по литературе. Она не стала это комментировать. Просто положила — как кладут мел на подоконник.

Через несколько минут дверь приоткрылась. Вошла сотрудница школы, молча забрала папку с парты и вышла, чтобы отнести её в кабинет индивидуального сопровождения на первый этаж, где Сева проводил свои изолированные учебные часы.

Никто не повернул головы. Никто не спросил, придёт ли Сева сегодня. Все уже знали: пока нет. И, видимо, ещё не скоро.

Один из мальчишек с задней парты поднял руку.

— Светлана Игоревна, а можно я туда пересяду? — спросил он, кивнув на место Севы. — Мне оттуда доску лучше видно, а то с моего угла отсвечивает.

Светлана Игоревна посмотрела на него. В её взгляде не было злости. Она не собиралась наказывать ученика за практический вопрос.

— Пока не надо, — ровно ответила она. — Оставь как есть. Откройте учебники на тридцать пятой странице.

Она сказала это не из жестокости. Она просто не хотела превращать отсутствие Севы в перераспределение его школьной жизни. Но сама её фраза, это сухое «оставь как есть», показала: его место уже перестало быть просто партой. Оно стало отдельной проблемой, с которой никто не знал, что делать.

На большой перемене, когда класс шумной гурьбой вывалился в коридор, кто-то из девочек громко сказал:

— У нас мама вчера видела, как Даню Рудина из больницы везли.

Клим, стоявший у окна с телефоном в руках, напрягся.

— Ему, говорят, руку чуть не сломали, когда дверь выбивали, — добавил другой одноклассник, откусывая яблоко. — Да он там вообще один всю ночь просидел в ледяной воде.

— Не всю ночь, — резко бросил Клим.

Все мгновенно замолчали и повернулись к нему. Разговоры о Дане и Севе в классе старались не заводить в его присутствии, зная, что он был там.

Мальчишка с яблоком нахмурился.

— А сколько?

Клим открыл рот и понял, что не знает точного времени. Когда он нашёл Севу у калитки? Когда приехали аварийные службы? Время в тот вечер сжалось в один плотный, тёмный комок. Он помнил только итог.

— Не знаю, — ответил Клим. — Но не всю ночь.

Одноклассники переглянулись и пожали плечами. Для них эта разница не работала. Какая разница — два часа или десять, если результат один?

— Ну всё равно, — отмахнулась девочка, начавшая разговор. — Закрыв же ребёнка в трубе. И ушёл.

Лада, стоявшая у подоконника, посмотрела на Клима.

Внутри Клима всё дёрнулось. Ему захотелось возразить. Сказать, что Сева не уходил. Что он был там. Что он пытался. Но он снова понял: если он сейчас откроет рот, ему придётся объяснять не только то, что одноклассники неверно поняли, но и то, что он сам убрал из истории в кабинете Веры Аркадьевны.

Он промолчал.

Впервые Клим почувствовал не просто неловкость. Он почувствовал глухое, вязкое бесилие. Правда стала похожа на мокрую газетную бумагу: чем сильнее ты пытаешься её расправить, тем сильнее она рвётся в пальцах.

Телефон одного из парней тихо тренькнул. Тот достал аппарат, посмотрел на экран и хмыкнул.

— О, смотрите.

Несколько человек склонились над его плечом. На экране дёргалось короткое, размытое видео, снятое кем-то из младших классов со второго этажа. В кадре был виден боковой выход школы, через который из здания выходили Сева и его отец.

Под видео висела короткая подпись:

«Его уже из школы выводят».

На большой перемене Клим спустился на первый этаж к автомату с водой. Лестничная клетка у раздевалок гудела, пахло влажной пылью и резиновой крошкой от мокрой обуви.

Он только забросил монеты в приёмник, когда сзади к нему подошли двое старшеклассников из десятого. Они не выглядели агрессивно. В их расслабленных позах и приглушённых голосах сквозило лишь жадное, почти спортивное любопытство.

— Слушай, Савин, — окликнул его один из них, высокий парень в тёмной толстовке. — Ты же был там, когда его нашли?

Клим нажал кнопку. Бутылка с глухим стуком упала в лоток.

— Был, — ответил он, наклоняясь за водой.

— А он правда смеялся, пока мелкий внутри сидел? — спросил второй.

Клим резко выпрямился.

— Нет.

Десятиклассники переглянулись, словно сверяя ставки в игре.

— А нам сказали, он сначала ушёл, — продолжил первый, понизив голос, словно доверяя Климу тайну. — А потом вернулся, потому что понял, что там камеры снимают. Решил типа спасателем прикинуться.

— Камер там нет, — сухо отрезал Клим.

Парень усмехнулся и ткнул приятеля локтем в бок.

— Ну вот. Значит, ты знаешь.

Клим замер с бутылкой в руке. Эти слова ударили его как ток. Он вдруг понял, кем стал для всей этой школы. Он больше не был просто восьмиклассником. Он стал «источником». Людям не было дела до того, как он сам пережил тот вечер, их не волновал Даня. Им нужен был доступ к человеку, который стоял у самой двери, чтобы обтесать об него свои выдуманные детали и достроить нужную версию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.